

Санкт-Петербургский государственный университет

СМИРНОВА Елена Алексеевна

Выпускная квалификационная работа

Специфика взаимоотношений лесковского праведника и социума (на материале рассказов «Овцебык», «Павлин», «Несмертельный Голован», «Пугало»)

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.01 «Филология»

Основная образовательная программа ВМ.5611. «Русская литература»
Профиль «Русская литература»

Научный руководитель:
доцент,
Кафедра русской литературы
СПбГУ,
Бугаева Любовь Дмитриевна

Рецензент:
Руководитель научно-
организационного
центра Всероссийского
музея А. С. Пушкина
Ильичев Алексей Викторович

Санкт-Петербург
2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН ПРАВЕДНИЧЕСТВА	8
1.1. Концепция праведничества в творчестве Н. С. Лескова и ее предпосылки	8
1.2. Историко-культурный анализ понятия «праведник»	15
1.3. Праведник Лескова: особенности	17
ВЫВОДЫ	19
ГЛАВА 2. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА ОБРАЗА ПРАВЕДНИКА	22
2.1. «Несмертельный голован» (1880)	22
2.2. «Павлин» (1875)	28
2.3. «Пугало» (1885)	38
2.4. «Овцебык» (1863)	43
ВЫВОДЫ	50
ГЛАВА 3. ПРАВЕДНИК И СОЦИУМ	57
3.1. Драматургическая теория И. Гофмана	57
3.2. Анализ взаимоотношений лесковских праведников и социума	62
3.2.1. «Жертвы» народного невежества	63
3.2.2. «Жертвы» власть имущих	74
3.2.3. «Жертвы» щедрой души	81
ВЫВОДЫ	85
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	88
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	90
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	97

ВВЕДЕНИЕ

Творческий путь Н.С. Лескова-писателя оказался чрезвычайно трудным, так как в силу различных обстоятельств его произведения были недооценены¹ ни при жизни писателя, ни после его смерти. Наследие Н. С. Лескова, занимая особое место в русской литературе и в литературоведении, не может быть названо изученным в достаточной степени даже на сегодняшний день, несмотря на то что современное лесковедение достигло значительных успехов. Не до конца проясненным вопросом является и проблема «праведничества», занимающая центральное место в художественном мире Н. С. Лескова с 1870 по 1880 годы. Писатель сумел создать не столько праведника как человека, ни в чем не погрешающего против правил нравственности, сколько особую личность, отвечающую философско-эстетическим взглядам самого Лескова на природу человека и русского национального характера.

Праведники часто бывают не поняты той социальной средой, в которой они живут. Мотивация их поступков остается загадкой для окружающих их персонажей (напр., «Павлин», 1875). В некоторых случаях праведника мифологизируют (напр., «Несмертельный Голован», 1880) или воспринимают крайне негативно (напр., «Пугало», 1885). Настоящая работа посвящена малоизученному вопросу, связанному с героями-праведниками, а именно проблеме их взаимоотношений с окружающим их обществом. Анализ литературы, посвященной изучению специфики праведничества в творчестве Лескова, показал, что проблема взаимоотношений праведника и социума раскрывается недостаточно полно, либо игнорируется вообще. Коммуникативно-социологический анализ позволит переосмыслить круг произведений о праведниках и предложить новый угол зрения на него. Таким образом, предполагаемое наличие закономерности в отношениях между

¹ Кучерская М. А. Лесков: Прозванный гений. М., 2021. С. 5-10.

лесковским праведником и социумом, с одной стороны, и недостаточное ее раскрытие, с другой, делает настоящее исследование **актуальным**.

В представляемой выпускной квалификационной работе **объектом исследования** являются выбранные тексты малой прозы Лескова, **предметом исследования** – взаимоотношения лесковского праведника и социума.

Цель настоящей работы – выявить возможные закономерности в структуре социальных связей лесковского праведника с помощью драматургического подхода И. Гофмана.

Для достижения поставленной цели требуется решить следующие **задачи**:

- 1) выявить предпосылки становления концепции праведничества в творчестве Н. С. Лескова;
- 2) дать определение понятию «праведник» в соответствии с социокультурным контекстом (середина XIX века);
- 3) выявить специфику праведного героя в творчестве Н. С. Лескова;
- 4) доказать принадлежность героев из выбранной прозы Н. С. Лескова к праведному типу личности;
- 5) проследить эволюцию праведного типа героя в прозе Н. С. Лескова;
- 6) рассмотреть основные положения драматургического подхода И. Гофмана;
- 7) проанализировать эпизоды выбранной прозы Н. С. Лескова в соответствии с драматургическим подходом И. Гофмана.

Использование драматургического подхода И. Гофмана в рамках настоящей работы обуславливается возможностью его применения ко всем видам социальных взаимосвязей, в том числе в художественной литературе. Социологическая теория И. Гофмана позволяет рассмотреть повседневные контакты между людьми, установить их структуру, что соответствует цели настоящей работы. Мы предполагаем, что взаимоотношения праведника и

социума в анализируемых рассказах Н. С. Лескова имеют сходную организацию. Это составляет **гипотезу** данной работы.

Поскольку настоящее исследование предусматривает не только анализ связей праведника и социума, но и наблюдение за эволюцией праведного типа героя в прозе Н. С. Лескова, нам представляется целесообразным дать определение понятию «праведник» с учетом социокультурного контекста середины XIX века, рассмотреть предпосылки развития концепции праведничества в творчестве писателя и выявить особенности понятия «праведник» в рамках творчества Н. С. Лескова.

В основе выбора материала лежали следующие критерии. В первую очередь необходимо было рассмотреть эволюцию праведного героя в творчестве Лескова (от 1863 г. до 1885 г.). Следующим обязательным критерием выбора материала были сами герои-праведники. Рассказы, вошедшие в данный цикл², остались за пределами настоящей работы в связи с большой их изученностью. Представляется, что тема праведничества шире, чем рамки цикла. Черты праведничества рассеиваются по другим произведениям, не вошедшим в цикл. Следовало выбрать произведения, в которых герой отвечает праведным «принципам», однако «очевидным» праведником не является. За этим следует другая проблема – как доказать, что перед нами именно герой-праведник, если рассказ о нем не вошел в цикл? Последний критерий был связан напрямую с темой работы – с социальной средой, окружающей героя. Например, рассказ «Пигмей» (1876) с этой точки зрения не является примечательным, так как отношения главного героя с обществом практически не раскрыты. Следовательно, нам необходимы были те рассказы, в которых отношения социальной среды и праведника были в достаточной мере доступны анализу.

² Имеется в виду цикл Лескова «Праведники», в который вошли такие рассказы, как Однодум (1879), Пигмей (1876), Кадетский монастырь (1880), Русский демократ в Польше (1880), Несмертельный Голован (1880), Инженеры-бессребреники (1887), Левша (1881), Очарованный странник (1873), Человек на часах (1887), Шерамур (1879).

Таким образом, **материалом** настоящей работы являются следующие тексты: «Овцебык» (1863), «Павлин» (1875), «Несмертельный Голован» (1880), «Пугало» (1885). Рассказ «Несмертельный Голован» (1880), как известно, входит в цикл «Праведники», однако именно он решает проблему доказательства: рассматривая Несмертельного Голована как идеального праведника, мы сможем выявить черты праведной личности, а также сравнить его с героями других рассказов.

Методы исследования – историко-культурный, сравнительно-сопоставительный, метод интерпретаций.

В область **практического применения работы** входит освещение материала, необходимого для создания учебных пособий и курсов по истории русской литературы второй половины XIX в. Помимо этого, материалы данной работы могут использоваться в ходе составления полного собрания сочинений Н. С. Лескова, работа над которым ведется в настоящее время в Пушкинском доме.

Структура работы продиктована задачами исследования. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, приложения.

Во введении описаны цели и задачи работы, метод исследования, объект и предмет исследования, обоснован выбор материала исследования и способа исследования.

В первой главе, сосредоточенной на творчестве Н. С. Лескова, рассматривается специфика понятия «праведник» с учетом социокультурного контекста второй половины XIX века, выявляются предпосылки концепции праведничества в творчестве Н. С. Лескова, анализируются выбранные рассказы с целью доказательства принадлежности главных героев к праведному типу личности. Особое внимание уделяется выявлению характерных черт лесковского героя-праведника и наблюдению за процессом эволюции праведного типа личности в прозе Н. С. Лескова.

Вторая глава посвящена анализу социальных связей лесковских праведников. Приводятся основные положения драматургической теории И.

Гофмана, рассматривается необходимый для дальнейшего анализа терминологический аппарат. Внимание сосредоточено на применении драматургической теории И. Гофмана к выбранной прозе Н. С. Лескова.

В заключении представлены выводы, сделанные на основе проведенного исследования.

Заранее обговорим, что при цитировании текстов дореволюционного издания мы приводили цитируемый текст в соответствии с нормами современной графики и орфографии.

ГЛАВА 1. ФЕНОМЕН ПРАВЕДНИЧЕСТВА

1.1. Концепция праведничества в творчестве Н. С. Лескова и ее предпосылки

Творческий путь Лескова нельзя назвать простым, так как его творчество в течение длительного времени не оценивалось по достоинству, проза Лескова оставалась в литературной тени у критиков и читателей³. Во многом это связано с выходом антинигилистического романа «Некуда» (1864), «который был не принят общественностью и способствовал тому, что писатель подвергся жесткой критике «со стороны литературных староверов»⁴. Роман был жестоко отвергнут читателями и критикой, что повлекло за собой многолетнюю невозможность сотрудничества со всеми прогрессивными либеральными журналами. С 1869 года Лесков был вынужден сотрудничать с более консервативным лагерем, а именно с «Русским вестником» М. Н. Каткова.

В 1870-е годы писатель стремится к переоценке действительности и начинает искать новые способы ее воплощения в своем творчестве. В 1874 году Лесков заканчивает работу над романом «Захудалый род» и предпринимает попытку напечатать его в журнале «Русский вестник». М. Н. Катков на правах редактора подвергает текст значительным изменениям и цензурным правкам, что приводит к конфликту и окончанию всяческих отношений. После разрыва Лесков писал Аксакову: «Я ценю многие заслуги Каткова и за многое ему благодарен, но лично на меня, как на писателя, он действовал не всегда благотворно, а иногда просто ужасно. Отчаяние здесь имело свое место потому, что я мог трудиться только с этим человеком, а не с кем иным. Критика могла оживить мои изнемогавшие силы, но она всего менее хотела этого. Душевное состояние мое самое мучительное, печатать мне

³ Кучерская М. А. Лесков: Прозванный гений. М., 2021. С. 5-10.

⁴ Терновская Е. А. Проблема «праведничества» в прозе Н. С. Лескова 1870-1880-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2006. С. 3

негде»⁵. Писатель, однажды «осужденный и заклеянный большинством своих современников»⁶, так и не смог восстановить свою репутацию.

«В литературе XIX в. Лесков – один из наиболее критически настроенных по отношению к русской действительности писателей»⁷, – справедливо отмечает И. П. Видуэцкая. Уже в рассказе «Овцебык» (1863), а потом и в романах «Некуда» и «На ножах» (1870-1871) Лесков обнаруживает критическое и настороженное отношение к росту интереса современного общества к вопросам материального благополучия. В 1883 году Лесков в письме к С. Н. Шубинскому пишет «об измелъчании современной ему интеллигенции: “Нет ни умов, ни характеров и ни тени достоинства. С чем же идти в жизнь этому стаду, и вдобавок самомнящему стаду”?»⁸. Эта тенденция, ведущая за собой потерю интереса к духовным ценностям, деморализацию, «падение идеала» глубоко тревожила Лескова. По мнению писателя, современное общество переживало процесс «обновления», стремительного ухода от прежних исконно русских связей, утрачивало связь с почвой национальной русской жизни, а вместе с тем и свой духовный облик, свои истинные культурные обычаи. Для Лескова общественный прогресс, реализующий разрыв между прошлым и настоящим, не может способствовать созданию благополучного будущего. В связи с этими убеждениями Лесков отказывается от изображения «героя времени» – массового типа личности в рамках определенного сословия, чья претензия на роль передового деятеля в литературе середины XIX в. весьма высока. В центре внимания Лескова оказывается *конкретный человек*, «который даже в самых неблагоприятных социально-исторических обстоятельствах способен сохранить свою духовную

⁵ Лесков Н. С. Собр. соч.: в 12-ти томах. СПб., 1897. С. 396-397.

⁶ Терновская Е. А. Проблема «праведничества» в прозе Н. С. Лескова 1870-1880-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2006. С. 4.

⁷ Видуэцкая И. П. Творчество Лескова в контексте русской литературы XIX века // Русская литература. 1981. №2. С. 166.

⁸ Столярова И. В. «У нас на Руси...» // Н. С. Лесков. Избранное. В 2-х томах. Т. 1. Л., 1977. С. 16.

самобытность, <...> а главное – активно творить добро, вступая в неравный поединок с общим порядком вещей»⁹.

Обращение к проблеме нравственных поисков «неизменно направляет внимание к религиозным исканиям художника»¹⁰. Вопрос о религиозности самого Лескова довольно неоднозначен: писатель мог позволить себе довольно резкие высказывания в сторону христианской церкви, которые, однако, не являлись выпадами в сторону религии в целом. Лесков не отрицал значение христианства и религии в жизни человека, однако скептически относился к русскому духовенству. По его мнению, между официально заявленными церковью идеями любви к ближнему, идеалами добра и реальной жизнью духовенства были значительные расхождения. Нельзя не отметить, что творческий путь писателя начался с духовной христианской темы. В 1860 году печатается заметка «О продаже в Киеве Евангелия». Т. С. Лазарева справедливо отмечает, что «стремясь “пролить в массы свет разума”, ратуя за распространение в русском обществе христианского духа, Лесков высказал озабоченность по поводу того, что Новый Завет, только появившийся на русском языке, доступен далеко не каждому из-за высокой стоимости издания»¹¹. У писателя вызвали возмущение книготорговцы, продававшие Евангелие по неоправданно высоким ценам, что, по его мнению, было синонимом продажности и стремления к бессовестной наживе. Писатель считал, что христианская душа и деньги – несовместимые понятия. «С тех пор о “важности Евангелия” Лесков размышлял, говорил и писал постоянно — до последних дней своих»¹², а впоследствии признал, что именно оно указывало ему истинный путь. В 1870-1880-х годах Лесков весьма часто посвящал свои произведения (рассказы, очерки, заметки) аспектам духовной жизни. В

⁹ Там же, с. 16.

¹⁰ Лукьянчикова Н. В. Художественное воплощение этического идеала в произведениях Н. С. Лескова о духовенстве // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 2012. С. 187.

¹¹ Лазарева Т. С. Религиозно-нравственные искания в творчестве Николая Лескова // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2017. № 4(77). С. 35.

¹² Там же, с. 35.

середине 1870-х годов религиозно-нравственные искания писателя проявляются особенно интенсивно в силу возрастающей разобщенности русского общества. Сам писатель охарактеризовал это время следующим образом: «куда ни толкнись, всюду находишь какую-то беспорядочную суету и сутолоку»¹³. Так писатель начинал поиск своих идеальных праведных героев, так как, по его мнению, возрождение России было невозможно без направляющей роли истинной христианской веры. В 1872 году Лесков заканчивает роман «Соборяне», который можно считать этапом осмысления писателем жизни церковнослужителей. Проблема положительного героя в романе оказалась почти неразрешимой: «яркие, благородные характеры старгородских “соборян” если не побеждены, то подавлены наступающей на них реальностью»¹⁴. Писатель продолжает поиск положительных героев, однако обращает свое внимание уже не на служителей церкви, но на людей других сословий.

Лесков не был приверженцем какого-то определенного идеологического движения, в связи с этим у него отсутствовали представления о наивысшей ценности какого-то определенного класса или сословия. Писатель обнаруживал своих героев во всех кругах населения, но находил «наиболее симпатичных ему, достойных преклонения людей по преимуществу в тех кругах русского населения, которые считались непрестижными»¹⁵. Например, швейцар («Павлин», 1875), изгой («Пугало», 1880), низший чиновник («Однодум», 1879). Его положительные герои чаще всего люди не знатного происхождения, а «служилые» и зависимые, те, кому правоту и праведность соблюсти тяжелее всего. Именно в такой, с первого взгляда неблагоприятной среде Лесков обнаруживает потрясающие, яркие и героические характеры,

¹³ Лесков Н. С. Собрание сочинений: В 11 т. М., 1958. Т. 11: Автобиографические заметки: статьи, воспоминания. Письма. С. 587.

¹⁴ Лукьянчикова Н. В. Художественное воплощение этического идеала в произведениях Н. С. Лескова о духовенстве // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 2012. С. 191.

¹⁵ Хализев В. Е., Майорова О. Е. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. М., 1983. С. 197.

которые имеют огромный потенциал внутренних сил. Последнее кажется писателю чрезвычайно важным, так как в понимании Лескова «сила принижающих и ограничивающих личность жизненных обстоятельств <...> так высока в России, что для ее одоления требуется не простая приверженность добру, а мужество и героизм»¹⁶.

В 1880 году Лесков объединит несколько рассказов в сборник «Три праведника и один Шерамур», затем в прижизненном собрании сочинений в 1889 году выйдет отдельный том «Праведники», куда войдут несколько рассказов 70-х – 80-х годов и повесть «Очарованный странник». К этому моменту проблема поиска писателем просто *положительного* героя оборачивается проблемой поиска *идеального* героя. Таким образом, в рассказах писателя появляется новый особый тип героя – *тип героя-праведника*. «Создание Н. С. Лесковым характеров “праведников” – “положительных типов русских людей” должно рассматриваться в контексте историко-литературного развития эпохи 1860- 1880-х годов и связано с поиском писателем этического идеала, включающего в себя такие понятия, как гуманизм, бескорыстие, самоотверженность, сострадание и трудолюбие»¹⁷. Лесков стремится убедить читателя, что на Руси еще остались праведные, поэтому ориентируется на документальность и ссылается на реальные примеры из жизни: «прототипом героя настоящей повести (*имеется в виду «Однодум» (1879)*) является солигаличский кварталный. В воспоминаниях лексикографа Н. П. Макарова читаем: «Во время моей первой отставки в 1834 и 1835 году я жил у моего дяди Мичурина, в его имении в полутора верстах от Солигалича, и хорошо знал чудака Рыжова, этого воплощения высокой честности и бескорыстия и героя рассказа г. Лескова»¹⁸.

¹⁶ Столярова И. В. «У нас на Руси...» // Н. С. Лесков. Избранное. В 2-х томах. Т. 1. Л., 1977. С. 15.

¹⁷ Лукьянчикова Н. В. Художественное воплощение этического идеала в произведениях Н. С. Лескова о духовенстве // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 2012. С. 186.

¹⁸ Макаров Н. П. «Мои семидесятилетние воспоминания...». Ч. I. СПб., 1881. С. 46.

В завершение рассмотрения предпосылок рождения концепции праведничества писателя следует обратиться к теме молоканства в его творчестве. Отражение феномена молоканства занимало Лескова, о чем свидетельствует упоминание данного религиозного движения в двух выбранных нами рассказах: «Павлин» (1875) и «Несмертельный Голован» (1880). Помимо этого, в рассказе «Печерские антики» (1882) мы вновь встречаемся с данным религиозным движением. В толковом словаре В. И. Даля находим: «*Молокан м. молоканка ж.* раскольник или еретик, молоканского толка, который отвергает таинства и священство, иконы и все православные обряды, гражданскую власть и военную службу, т. е. всякое пролитие крови, почему и не ест мяса, а только молоко и яйца»¹⁹. Из данного определения следует, что молоканство – религиозное течение, и, по определению Т. Б. Ильинской, оно возникло в крестьянстве в середине XVIII века²⁰. Исследователь утверждает, что Лесков был тесно знаком с религиозными представлениями молокан, о чем свидетельствует практически прямое цитирование книги «Вероисповедание духовных христиан, обыкновенно называемых молоканами» (Женева, 1865) в очерке «Энергетическая бестактность» (1876)²¹. Однако следует обратить внимание на употребление данного понятия в рамках уже упомянутых рассказов. Павлина – героя одноименного рассказа – жильцы дома причисляют к молоканам, но вплетают это определение в ряд других фантастических фактов (напр., что он вор и убийца). Помимо этого, у социума есть другие, менее фантастические причины считать героя частью религиозной секты: во-первых, это стремление Павлина к уединенности, что в рамках стереотипного сознания говорит о принадлежности к тайному обществу; во-вторых, слово «молокан» в народной этимологизации осмысливается как человек, который предпочитает молоко алкоголю (см. в рассказе «Павлин»: «Я, — говорил он, — никогда болен

¹⁹ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М., 1989.

²⁰ Ильинская Т. Б. Молоканство в творчестве Н. С. Лескова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2010. №2. С. 31.

²¹ Там же, с. 32.

не был и не знаю, зачем болеть: живи как следует; не пей вина, ни кофею, не копти грудь табаком — и не заболеешь... »²²); в-третьих, герой рассказа представляется жильцам дома как горделивый и черствый человек: «Это <...> удовлетворило общественную пытливость насчет личности Павлина настолько, что все почили в спокойной уверенности, что Павлин *гордец по религии*»²³. В рассказе «Несмертельный Голован» (1880) главный герой получает характеристику молокана в связи с его родом деятельности — продажей молока. Анекдотические смыслы, вкладываемые Лесковым в определение молоканства, говорят о том, что писатель активно использовал в своих произведениях мифы о данной секте, ее народное видение в рамках стереотипного мышления. «Молоканство становится одной из граней того образа народной религиозности, которая неотделима от смутных и даже полусказочных представлений о явлениях конфессиональной жизни»²⁴.

Мы рассмотрели основные этапы творчества Лескова, необходимые для понимания его духовно-нравственных взглядов. Перейдем к рассмотрению самой концепции, так как оно необходимо для последующего анализа личности героя-праведника.

Писатель неоднократно формулирует свои взгляды на праведничество в публицистике. Например, в статье «О героях и праведниках»²⁵ Лесков рассуждает о том, чем же особым характеризуется праведник и в чем его отличие от героя (героя как человека, совершившего подвиг). Так, в глазах писателя, праведник способен «прожить изо дня в день долгую жизнь, не солгав, не обманув, не слукавив, не огорчив ближнего и не осудив пристрастного врага»²⁶, праведник не жаждет совершения невероятных подвигов веры и спасения душ. Он честен перед собой и окружающими, добр и деятелен в своей доброте, не озабочен вниманием окружающих, «не

²² Лесков Н. С. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 254.

²³ Там же, с. 218.

²⁴ Ильинская Т. Б. Молоканство в творчестве Н. С. Лескова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2010. №2. С. 40.

²⁵ Лесков Н. С. О героях и праведниках // Церковно-общественный вестник. 1881. № 129. С.3–10.

²⁶ Там же, с. 5.

стремится к тому, чтобы его благородство было кем-либо замечено»²⁷. Его любовь к ближнему – его повседневная забота, в которой он не видит тяжести и принуждения. Однако несмотря на то, что герои Лескова обладают особенными духовными принципами, они не предстают в качестве идеологов. У праведников отсутствует желание возводить свои духовные принципы в идею, декларировать их. «Христианское миропонимание для него составляет прежде всего урок практической нравственности»²⁸.

Рассмотрение концепции праведничества Лескова невозможна без историко-культурного анализа понятия «праведник». Рассмотрим, как оно интерпретируется в словарях.

1.2. Историко-культурный анализ понятия «праведник»

И. В. Долинина считает, что слово «праведный» является одним из основных констант миропонимания Лескова, а также важнейшим концептом его творчества²⁹. В своей работе ученый проводит краткое исследование, на основе которого делает выводы о структуре концепта «праведный» в творчестве писателя. Мы последуем за И. В. Долининой, однако самостоятельно проведем небольшое лексикографическое исследование.

Прежде всего нам представляется целесообразным обратиться к актуальным на момент XIX века словарям русского языка. В толковом словаре живого великорусского языка В. И. Даль дается следующее определение понятию «праведник»: «**Праведник, -ница**, праведно живущий; во всем по закону Божью поступающий, безгрешник».

В полном церковнославянском словаре Г. Дьяченко (1899) «праведными святая церковь называет преимущественно святых угодников Божьих Ветхого завета. Таковы, например, Авраам, Иов и др. Впрочем, святая церковь

²⁷ Хализев В. Е., Майорова О. Е. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. М., 1983. С. 205.

²⁸ Там же, с. 198.

²⁹ Долинина И. В. Художественный концепт праведный в цикле Н.С. Лескова «Праведники» // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. 2008. Вып. 3. С. 243.

называет праведными некоторых и новозаветных святых, именно тех, кои, подобно ветхозаветным праведникам, живя в мире и исполняя обязанности государственные, общественные и семейные, при всех переменах жизни своей поступали по оправданиям закона Божия и пребыли верны Богу. К лику новозаветных праведных относятся святые благоверные князья, праведник Филарет милостивый и др.»³⁰

Богословский словарь 1913 года определяет праведника (или праведного) как «название святых, пребывавших в мире не в отшельничестве или монашестве, а в обычных условиях семейной и общественной жизни, и в частности ветхозаветных, напр. «праведный Ной» и др. П. называются также лица местночтимые; как святые, но не канонизированные церковью»³¹.

Таким образом, приведенные выше определения указывают лишь на то, что праведником зовется человек, живущий в миру по закону Божию. В словарях нет информации об обязательно присущих праведнику чертах характера (героизм, мужественность, доброта и проч.). Однако это окажется для нас важно впоследствии.

Интересен в этом отношении и словарь русской культуры Ю. С. Степанова, в котором подробно рассматриваются как концепты «святой» и «праведник» (святость — христианский идеал, а праведность — путь к нему³²), так и процесс их концептуализации. В словарной статье³³ Степанов обращает внимание на то, что концепт «Святое» в русской культуре напрямую связан с концептом «Истины» и «Правды», а последний, в свою очередь, обнаруживает связь со словом и понятием *праведный* (человек), *праведник*. Лингвисты (С. Н. Селезнева³⁴, О. И. Ануфриева³⁵) указывают на прямую историческую связь

³⁰ Дьяченко Г. М. Полный церковнославянский словарь: пособие / сост. свящ. Григорий Дьяченко. [Репр. воспр. изд. 1900 г.]. М., 2004. С. 472.

³¹ Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 2. СПб., 1913. С. 376.

³² Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2004. С. 878.

³³ Там же, с. 874.

³⁴ Селезнева С. Н. Динамика «Сакрального» и «Мирского» в истории слова праведник // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2010. №1. С. 165–172.

³⁵ Ануфриева О. И. Концепт «Праведность»: структура и средства выражения // Известия ВГПУ. 2009. №7. С. 16–21.

слова *праведник* со словом *правда* в значении *честность, справедливость, законность*.

Так, для конца XIX века *праведником* был человек, живущий в миру и беспрекословно следующий Закону Божьему. Основываясь на исторической связи слов *правда* и *праведник*, можно сделать вывод о двуплановости понятия праведничества: с одной стороны, это приверженность христианским идеалам, а с другой – законность и честность. Оба значения – праведность как путь к христианскому идеалу и как послушание закону – оказываются чрезвычайно важными для понимания праведничества Лескова.

Это подтверждает и исследование И. В. Долининой. Содержание концепта «праведный» в рамках творчества Лескова, по ее мнению, складывается из следующих элементов: «1) нравственных, 2) социальных, 3), религиозных 4), культурных 5) обиходно-бытовых»³⁶. Каждый из элементов раскрывается с помощью определенных лексем, используемых писателем в своих произведениях. Например, нравственный элемент сопряжен с лексемами *честный, трудолюбивый, самоотверженный, добрый* и их синонимы. Следует обратить внимание на религиозный элемент – Лесков его реализует через лексемы «*сумнительный в вере, «странный»*», что, по мнению И. В. Долининой, связано с частым непониманием обывателями «*чистой, «изначальной»*» веры праведника.

В дальнейшем мы будем обращаться к лингвистическому исследованию И. В. Долининой, чтобы вновь рассмотреть структуру концепта «праведный» в произведениях Лескова и использовать этот материал в качестве доказательной базы.

1.3. Праведник Лескова: особенности

Историко-культурный анализ слова *праведник* показал, что на момент конца XIX века праведным считался человек, не живущий в монастыре, но

³⁶ Долинина И. В. Художественный концепт праведный в цикле Н.С. Лескова «Праведники» // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. 2008. Вып. 3. С. 244.

следующий Божьему Закону. Словари не закрепляли за значением слова *праведник* никаких личностных характеристик: черт характера, моделей поведения. Лесковские же герои-праведники живут в миру, что соотносится с информацией, взятой из толковых словарей, однако они активно участвуют в социально-общественной жизни, так как их личные качества, в том числе их способность к деятельной любви, не могут быть раскрыты в полной мере без взаимодействия с окружающими. «Я» лесковского праведника не может быть отделено от окружающего его миропорядка, тем более не может быть ему противопоставлено. «Национальный уклад бытия с его воззрениями и обычаями – это для них единственно приемлемый образ жизни»³⁷. Праведники Лескова укоренены в национальной жизни, чтут обычаи, предания – эта «почвенность», без отрыва от исконно русских традиций, предполагает особое представление мира, построенного на всеобщем любовном единении всех людей. Лесковские праведники – герои деятельные, христианское миропонимание которых носит практический характер. Например, в рассказе «Пигмей» (1876) доброта чиновника проявляется не только в сочувствии и сопереживании французу, но и деятельных попытках помочь ему избежать казни.

Важно отметить, что доброта, любовь к ближнему, честность, порядочность – качества, которые проявляются праведниками *искренне*, без преследования определенной корыстной цели: «далеко не личная выгода, а личные человеческие порывы души заставляют этих героев помогать другим»³⁸. Помимо этого, праведник Лескова – герой, способный на самопожертвование, даже на самоотречение. Примером может служить Павлин из одноименного рассказа (1874), который ради счастья сироты Любы, впоследствии его жены, жертвует своей любовью к ней и отпускает ее.

³⁷ Хализев В. Е., Майорова О. Е. Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. М., 1983. С. 200.

³⁸ Власова А. В. Образ праведника в контексте произведений Н. С. Лескова (на примере некоторых рассказов) // Вестник УлГТУ. 2006. №1 (33). С. 15.

Писателя привлекают личности цельные, сильные, независимые от чужого мнения, действующие, как велит долг человека или христианина. Так, лесковские герои часто не принимаются обществом, бывают поняты окружающими не до конца, «потому кажутся им чужаками, а иногда и просто сумасшедшими»³⁹ (например, Однодум в одноименном рассказе (1879) получает должность губернатора, но не стремится к денежной выгоде, у него нет цели обмануть вышестоящую власть. Герой честен, открыт и не берет взяток. Окружающее его чиновничество не привыкло к такому поведению со стороны власти, в связи с чем не понимает и осуждает Однодума). Непонимание поступков героев-праведников приводит к их мифологизации в рассказе: Селиван («Пугало», 1880) становится в глазах людей опасным, владеющим темной магией, а Несмертельный Голован («Несмертельный Голован», 1880) наоборот, практически святым.

ВЫВОДЫ

Лесков, озабоченный нравственностью современного ему общества, начинает активный поиск положительного героя в 1870-х годах. Писатель сразу отказывается от изображения героя времени, не отвечавшего нравственным идеалам Лескова. Так, попытка решить нравственно-философскую проблему приводит писателя к религиозным изысканиям, а затем и к первому эксперименту создания положительного героя – служителя духовенства («Соборяне» (1872)). Обнаружив несоответствие между официально заявленными идеями христианской церкви и реальностью русского духовенства, Лесков разочаровывается и понимает, что образ положительного героя не следует искать в этой сфере. Писатель обращается к различным сословиям, к тем людям, которым соблюдать праведный образ

³⁹ Власова А. В. Образ праведника в контексте произведений Н. С. Лескова (на примере некоторых рассказов) // Вестник УлГТУ. 2006. №1 (33). С. 15.

жизни гораздо тяжелее. Так рождается новый тип героя Лескова – герой-праведник.

Краткое историко-лингвистическое исследование понятия праведник свидетельствует, что к концу XIX столетия *праведником* звали человека, живущего в миру и следующему Закону Божьему. Однако в словарных статьях не были зафиксированы особые черты характера, присущие именно праведникам. Помимо этого, понятие *праведничество* исторически является двухплановым, так как соединяет в себе приверженность христианским идеалам и законность, честность. «Праведник» в творчестве Лескова – это своеобразный концепт, включающий в себя несколько элементов (нравственный, социальный, религиозный, культурный, обиходо-бытовой), которые, в свою очередь, реализуются в произведениях писателя с помощью определенных лексем.

Создание праведников – это попытка автора «очеловечить евангельское учение»⁴⁰. Герой-праведник Лескова живет в миру, что соответствует словарным статьям, однако он имеет определенные дополнительные характеристики, чем расходится с общим пониманием праведника в XIX в. Праведник по Лескову отличается не только благородностью своих намерений и поступков, но и целостностью, стремлением к самоотречению и самопожертвованию, высокими нравственными устоями, деятельной добротой и любовью к ближнему. Лесковский праведник – личность, которая не может существовать в отрыве от национальных традиций и обычаев, ему присуща «почвенность», стремление к корням. Праведники представляют собой особый пример человека, живущего в несовершенном человеческом мире, среди страстей и лишений, однако способного сохранить высокие нравственные идеалы и следовать им без корыстных целей.

⁴⁰ Лесков Н. С. Собр. соч. В 11 т. / под ред. В. Г. Базанова, Б.Я. Бухштаба, А.И. Груздева, С. А. Рейсера, Б. М. Эйхенбаума. Т. 11 Письма. М., 1956–1958. С. 456.

Лесков сформировал концепцию праведничества, в которой соединились церковные представления о праведнике и народные ценности и традиции.

ГЛАВА 2. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СЕМАНТИКА ОБРАЗА ПРАВЕДНИКА

Настоящая глава посвящена героям выбранной прозы Лескова: Несмертельному Головану, Павлину, Селивану и Овцебыку. Как уже упоминалось, среди всех перечисленных героев рассказов только Несмертельный Голован является «очевидным» праведником, так как одноименное произведение было включено самим Лесковым в цикл⁴¹. В настоящей главе мы проанализируем выбранную прозу Лескова, установим, являются ли главные герои праведниками и проследим эволюцию праведного типа личности в произведениях писателя.

2.1. «Несмертельный голован» (1880)

Впервые рассказ был напечатан в журнале «Исторический вестник» в 1880 году⁴², позднее был перепечатан в сборнике рассказов Лескова «Русская рознь. Очерки и рассказы (1880 и 1881)»⁴³. В 1889 году вошел во второй том первого Собрания сочинений Лескова, который носил имя «Праведники».

Рассказ о Несмертельном Головане – «одно из самых удачных и широко признанных произведений “праведнического” цикла»⁴⁴, в связи с этим мы обратимся к нему как к рассказу, наиболее полно отражающему черты праведной личности в произведениях Лескова.

Прежде всего сосредоточимся на названии текста: «Прозвище “несмертельного”, данное Головану, не выражало собою насмешки и отнюдь не было пустым, бессмысленным звуком — его прозвали несмертельным вследствие сильного убеждения, что Голован — человек особенный; человек,

⁴¹ Имеется в виду цикл «Праведники».

⁴² Рейсер С. А. Комментарии: Н. С. Лесков. Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 6. С. 658–662.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Майорова О. М. Рассказ Н. С. Лескова «Несмертельный Голован» и житийные традиции // Русская литература. 1987. №3. С.170–179.

который не боится смерти»⁴⁵. «Несмертельный» не значит бессмертный, но сильный, мужественный, бесстрашный. К бесстрашию нас отсылает и эпиграф, взятый из первого послания Иоанна: «Совершенная любовь изгоняет страх»⁴⁶. Подзаголовок текста – «Из рассказов о трех праведниках» – сразу дает понять, что в рассказе с праведником мы обязательно встретимся. Так, познакомившись только с названием, подзаголовком и эпиграфом, мы уже предполагаем, что познакомимся с праведным типом героя.

С первых строк автор заявляет: «Он сам почти миф, а история его — легенда»⁴⁷, что говорит о «выдающейся личности из народа, способной на такие поступки-подвиги, после исполнения которых, о ней помнили и говорили даже после смерти»⁴⁸. Из первой главы читателю становится ясно, что Голован не просто легенда и миф народных сплетен, но действительно человек сильный духом, мужественный, идущий на риск без поиска выгоды для себя, что коррелируется и с названием рассказа: «Он умер, и притом не самым опрятным образом: он погиб во время так называемого в г. Орле «большого пожара», утонув в кипящей ямине, куда упал, спасая чью-то жизнь или чье-то добро»⁴⁹. Смерть Голована – подвиг: он погиб не за себя, но за кого-то другого.

Далее Лесков, знакомя нас с праведным типом героя, подробно описывает его внешность. Следует обратить внимание на глаза Голована («...он был смугл, круглолиц, с голубыми глазами, очень крупным носом и толстыми губами»⁵⁰) и его улыбку («Спокойная и счастливая улыбка не оставляла лица Голована ни на минуту: она светилась в каждой черте, но

⁴⁵ Лесков Н. С. Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 6. С. 351.

⁴⁶ Ин1, 4:18.

⁴⁷ Лесков Н. С. Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 6. С. 351.

⁴⁸ Кашкарева А. П. Тип героя-праведника в творчестве Н. С. Лескова (на примере рассказа «Несмертельный Голован») // Актуальные проблемы филологии: материалы II Междунар. науч. конф. Краснодар, 2016. С. 11.

⁴⁹ Лесков Н. С. Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 6. С. 352.

⁵⁰ Там же, с. 353.

преимущественно играла на устах и в глазах, умных и добрых, но как будто немножко насмешливых. Другого выражения у Голована как будто не было...»⁵¹). По справедливому, на наш взгляд, утверждению А. П. Кашкаревой, голубизна глаз Голована коррелируется с небесной символикой и природой – пространством праведника⁵², а спокойная и счастливая улыбка говорит о гармоничном «созвучии внутреннего мира героя с миром внешним, реальным»⁵³. Лесков создает образ Голована как человека смиренного и скромного, а смирение, скромность духа – черта праведника.

Говоря о внешности Голована, следует затронуть стремление Лескова к агиографической стилизации образа героя-праведника, на которую справедливо указывает О. Е. Майорова⁵⁴. В первую очередь исследователь обращает внимание на улыбку Голована – спокойную и счастливую, которая, по ее мнению, предписана подвижнику. «Вот что привлекало агиографа в святом: “... никогда не видели его унылым или понурым на трапезе с братией, но всегда сидел с лицом радостным и утешался благодатью Божьей”»⁵⁵. Далее О. Е. Майорова сравнивает Голована с житийным героем, указывая на его манеру одеваться: неприхотливость в одежде как символ отказа от мирских радостей⁵⁶. Немаловажным оказывается и отказ Голована от бытового комфорта: «он жил не в доме, а летом и зимой в холодном сарае вместе со скотом»⁵⁷. Особое внимание исследователь уделяет молчаливости Голована, который «кипел в работе с утра до поздней ночи»⁵⁸, не проводя ни минуты в праздности. По мнению О. Е. Майоровой, трудолюбие – особая добродетель

⁵¹ Там же, с. 353.

⁵² Кашкарева А. П. Тип героя-праведника в творчестве Н. С. Лескова (на примере рассказа «Несмертельный Голован») // Актуальные проблемы филологии: материалы II Междунар. науч. конф. Краснодар, 2016. С. 12.

⁵³ Там же, с. 12.

⁵⁴ Майорова О. М. Рассказ Н. С. Лескова «Несмертельный Голован» и житийные традиции // Русская литература. 1987. №3. С. 176.

⁵⁵ Там же, с. 176.

⁵⁶ Там же, с. 176.

⁵⁷ Там же, с. 176.

⁵⁸ Лесков Н. С. Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 6. С. 357.

подвижников, на которой акцентировали внимание Нестор, Елифаный Премудрый и другие древнерусские писатели.

В настоящем разделе мы уделим внимание герою как типичному представителю образа лесковского праведника. В связи с этим следует обратить особое внимание на действия Голована, так как именно они, по утверждению самого Лескова⁵⁹ и некоторых исследователей⁶⁰, формируют праведника.

Голован – герой то ли мифический, то ли легендарный, в связи с этим в рассказе прослеживается сквозная композиция «миф – реальность». Автор рисует Голована, как человека, стремящегося бескорыстно оказать любую помощь: «...сарай этот был подарен Головану за какую-то услугу, оказывать которые он был большой охотник и мастер»⁶¹; «Сюда же приходили к нему, бывало, какие-то простые люди — всегда за советами»⁶²; «И он на многие такие вопросы давал “помогательные советы”, и вообще ни за какой спрос не сердился...»⁶³, однако в полной мере праведная личность Голована раскрывается во время эпидемии «пупыруха» в деревне. По словам Лескова, «большое личное бедствие <...> нехорошо действует на людей <...> заурядной нравственности, не возвышающейся за черту простого сострадания»⁶⁴. Так мы узнаем о высоком нравственном начале Голована, ведь, в отличие от остальных жителей деревни, он проявил великодушие в высшей возможной его степени. Он помогал больным бескорыстно, поил молоком и водой, ухаживал. Не зря народ нашел в Головане опору и поддержку, так доверял ему и советовался с ним.

Праведность героя проявляется и в его отношениях с Павлой. Как мы узнаем в конце рассказа, любовь к ней была чистой и непорочной: «они жили

⁵⁹ Лесков Н. С. О героях и праведниках // Церковно-общественный вестник. 1881. № 129. С. 3–10.

⁶⁰ Напр., В. Е. Хализев, О. Е. Майорова, Н. Н. Старыгина, И. В. Столярова.

⁶¹ Лесков Н. С. Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 6. С. 356.

⁶² Там же, с. 358.

⁶³ Там же, с. 372.

⁶⁴ Там же, с. 364.

по любви *совершенной*»⁶⁵. Благодаря этому уточнению, становятся ясны причины, по которым Голован так безропотно подчиняется Фотею (Фрапошке), игнорирует его оскорбления и грубое поведение. Эти причины – искренняя ангельская любовь и закон совести, которому герои следуют: «— Но ведь юридически, по закону, Фрапошка не существовал, и они могли жениться. — Могли — по юридическому закону могли, да по закону своей совести не могли»⁶⁶.

Отношения между героями во многом показательны и демонстрируют высокое нравственное начало Голована. Большое значение имеет любовь героя к Павле, а также упоминание о том, что Голован был девственником. Обратимся к определению слова «девственность», указанному в толковом словаре В. И. Даля: «*Девственный*, целомудренный, чистый, непорочный, свойственный девству, нравственной чистоте. *Девственник м. девственница ж.* сохраняющий девство свое, непорочный, чистый, целомудренный»⁶⁷. В монашестве, в христианстве Любовь освобождена от чувственного начала, она целомудренна, таким образом, можно сделать вывод о прямой связи Голована с христианским идеалом. Это подтверждают и другие действия Голована. Им руководит «природное/интуитивное понимание жизни согласно Священному Писанию»⁶⁸, благодаря чему герой совершенен на грани святости⁶⁹. Голован, строгий к себе и снисходительный к другим, достиг необычайной высоты самоотвержения. Его поведение в жизни определяет служение живому делу, «незаметный подвиг доброго участия и помощи ближнему»⁷⁰. Смысл жизни Голована, как и смысл жизни любого лесковского праведника, в деятельной нравственности.

⁶⁵ Там же, с. 396.

⁶⁶ Там же, с. 396.

⁶⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М., 1989.

⁶⁸ Кашкарева А. П. Тип героя-праведника в творчестве Н. С. Лескова (на примере рассказа «Несмертельный Голован») // Актуальные проблемы филологии: материалы II Междунар. науч. конф. Краснодар, 2016. С. 12.

⁶⁹ Там же, с. 12.

⁷⁰ Худякова Е. В. Лесковская концепция праведничества и традиции старчества // Ярославский педагогический вестник. 2003. №2. С. 145–149.

Следует обратить внимание на отношение Голована к религии. Герой был «сумнителен в вере»⁷¹: окружавшие его крестьяне даже считали, что он молокан – член религиозной секты. Тему молоканства в творчестве писателя мы рассматривали в первой главе настоящей работы. Сам же герой не относил себя ни к какому определенному приходу: «Я из прихода творца-вседержителя, — а такого храма во всем Орле не было»⁷². Отсутствие конкретных религиозных взглядов или указания на принадлежность к определенной религии не делает Голована несправедливым человеком. В данном случае наблюдается парадокс: «сумнительный в вере» герой совершает поистине праведные поступки, с любовью относится к ближним, живет по христианским заветам. Для него главное – это вера в Бога, служение идеалу. «Сумнительность» главного героя-праведника в религии неслучайна: сам Лесков скептически относился к русскому духовенству, однако ценность религии как таковой никогда не отрицал, скорее наоборот, о чем уже упоминалось ранее. Указание на принадлежность Голована к приходу творца-вседержителя формирует прямую связь героя со Всевышним, и, как следствие, его приверженность к христианским идеалам. Так, веру Голована можно назвать всеобъемлющей – для него существует единый закон, одинаковый для всех: сектантов, православных, язычников и др.

Таким образом, мы пришли к выводу, что для праведного героя Лескова имеют значение внешность, действия и отношение к религии. Остановившись на описании Голована, мы обнаружили, что некоторые черты его внешнего облика выбраны Лесковым неслучайно и коррелируют с житийными традициями, а также демонстрируют связь с небесной символикой и природой – пространством праведника. Голован, несомненно, соответствует высоким нравственным ценностям (деятельная любовь к ближнему, порядочность, честность), отличается благородством намерений и поступков, стремится к

⁷¹ Лесков Н. С. Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 6. С. 373.

⁷² Там же, с. 375.

самопожертвованию и бескорыстной помощи ближним. Голован не признавал себя христианином, однако принадлежал к приходу самого Всевышнего, тем самым демонстрируя приверженность к христианским идеалам.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что Голован – герой, обладающий типичными характеристиками праведного типа личности и наиболее ярко его демонстрирующий черты.

2.2. «Павлин» (1875)

Впервые рассказ был напечатан в журнале «Нива» в 1874 году, далее немного измененный Лесковым, он появился в сборнике «Детские годы (Из воспоминаний Меркула Праотцева)»⁷³ в 1876 году. В два первых собрания сочинений рассказ не вошел, таким образом, в томе «Праведники» он не был напечатан. Несмотря на то, что многие исследователи⁷⁴ называют главного героя рассказа Павлина Певунова праведником, Лесков не включил это произведение в «праведнический» том. В связи с этим перед нами стоит задача доказать принадлежность Павлина к списку идеальных христианских героев Лескова.

Прежде всего следует обратиться к имени героя – Павлин Певунов. В христианской традиции, с одной стороны, павлин символизирует воскресение, бессмертие, вечность⁷⁵, с другой – тщеславие и гордыню⁷⁶. Сам герой, на наш взгляд, полностью соответствует своему имени – с самого начала рассказа он предстает перед нами черствым и горделивым человеком, не обращающим внимание на чужое горе («Он был очень горд и важен не только с вида, но и по характеру — самоуважающему, твердому и даже надменному»⁷⁷), «Он совершал свое течение [сбор платы за квартиру] <...> и не удостаивал никаких

⁷³ Лесков Н. С. Полное собрание сочинений: В 30 т. Т. 13. М., 2016. С. 477.

⁷⁴ Напр., И. В. Столярова, Л. В. Петрова, Е. А. Терновская.

⁷⁵ Уваров А. С. Христианская символика: монография. Ч. 1. Символика древнехристианского периода. М., 1908. С. 199–204.

⁷⁶ Тресиддер Дж. Павлин // Дж. Тресиддер. Словарь символов. М., 2001. С. 121.

⁷⁷ Лесков Н. С. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 217.

заявлений ни гнева, ни сожаления»⁷⁸), но с развитием сюжета Павлин буквально «перерождается», в нем будто воскрешаются черты праведной личности.

Необходимым элементом рассказов о праведниках является портрет предполагаемого праведника. В связи с этим обратимся к внешности Павлина:

«Он был мужчина высокий, плотный и очень стройный; светлый блондин, с большими, очень приятными серыми глазами, прекрасным умным лбом, замечательною строгостию в лице и достоинством в движениях и во всей его в глаза бросающейся многозначительной позитуре»⁷⁹.

По справедливому утверждению А. П. Кашкаревой светлый цвет глаз героя коррелирует с небесной символикой⁸⁰ – пространством праведника, о чем уже упоминалось ранее в рамках анализа рассказа «Несмертельный Голован». Павлин описан как приятный и красивый человек, однако озаряющего света в его чертах лица нет, несмотря на светлый цвет волос и глаз. Лучезарная улыбка отсутствует у Павлина. Мы замечаем лишь строгость лица и достоинство движений, что, возможно, свидетельствует о силе характера, которую герой продемонстрирует позднее. Таким образом, основываясь на внешнем виде Павлина, невозможно сделать вывод о его принадлежности к праведному типу личности.

Одной из характеристик праведника являются действия героя. Вторая глава рассказа знаменуется описанием ежедневных действий Павлина как лакея (см. в конце главы: «Так исполнял свою службу <...> знаменитый Павлин...»⁸¹) и его характера с точки зрения стороннего наблюдателя. Важно отметить, что в описании отсутствуют упоминания качеств Павлина как человека, а также его действий, не связанных со службой лакея.

⁷⁸ Там же, с. 220.

⁷⁹ Там же, с. 217.

⁸⁰ Кашкарева А. П. Тип героя-праведника в творчестве Н. С. Лескова (на примере рассказа «Несмертельный Голован») // Актуальные проблемы филологии: материалы II Междунар. науч. конф. Краснодар, 2016. С. 12.

⁸¹ Лесков Н. С. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 221.

В начале произведения автор рисует Павлина как хладнокровного человека, не заботящегося о мелких горестях бедных людей, у которых он так безжалостно вытаскивал рамы из квартир. После совершенных действий он спокойно садился и начинал читать газеты, будто бы ничего не произошло. Следует отметить, что в первой части рассказа описание Павлина как человека является точкой зрения жильцов и служащих дома, которые относились к герою крайне негативно: «Павлин действительно был заносчив и горд и не хотел допускать ни малейшего сближения с собою никого из служащих людей»⁸².

«Из всех окон длинных флигелей внутреннего двора, занимаемых бедными жильцами, на Павлина устремлялись то злые, то презрительные, а чаще всего тревожные взоры; нередко вслед ему слышались бранные слова и ядовитые насмешки, еще чаще проклятия и слезные вопли»⁸³.

Однако нельзя однозначно утверждать, что Павлин был человеком без сострадания и способности любить ближнего. Необычную черту – верность долгу – заметила в нем тетка рассказчика Ольга, назвавшая Павлина в первую встречу «хорошим и честным человеком, потому что он точно исполняет то, что обязан исполнить»⁸⁴, несмотря на его попытку оставить ее с семьей на морозе в сочельник. В этой связи мы вновь обратимся к полному энциклопедическому богословскому словарю с целью найти определение понятия «долг»: «Долг – требование нравственного чувства, нравственный закон»⁸⁵. Впоследствии мы узнаем, что герой своими действиями стремился помочь жильцам дома, потому что «Надо помогать человеку не послаблением, так как от этого человек еще более слабнет, а надо помогать ему на ноги становиться и о себе вдаль основательно думать, чтобы мог от немилостивых людей сам себя оберегать»⁸⁶.

⁸² Там же, с. 218.

⁸³ Там же, с. 218-219.

⁸⁴ Там же, с. 225.

⁸⁵ Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 2. СПб., 1913. С. 759.

⁸⁶ Лесков Н. С. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 238.

Таким образом, в начале рассказа мы встречаемся с Павлином и его функцией лакея, которая выполняется им безоговорочно и блестяще. Он следует своему долгу честно и строго. Однако личность Павлина для всех скрыта, о чем свидетельствует в том числе его стремление оградиться от окружения: «С тех пор, как Павлин поселился в своей комнате, у него не был никто из посторонних людей, и никому не было известно, что там у него за убранство»⁸⁷.

В этой связи следовало бы обратиться к концепции Л. М. Петровой, которая рассматривает сюжетную линию рассказа как духовное преображение героя от духовно нищего человека, гордого и самовлюбленного, до христианского идеала, способного на самоотвержение. Рассматривая нежелание Павлина контактировать с окружающими, а также его стремление скрыть свою личность под функцией прекрасного работника, исследователь Л. М. Петрова⁸⁸ приходит к выводу о том, что анализируемый герой – самонадеянный, гордый и самовлюбленный⁸⁹, руководствующийся своим *credo*⁹⁰ в любых своих действиях (напр., выкуп родственников или план воспитания Любы). «В соответствии с православным вероучением – это [«подвижничество»] форма лести самому себе, самообман, гордыня. Самообольщение рождает такое возвышение человека, за которым стоит не просто грех гордыни, но почти обожение себя»⁹¹. На наш взгляд, эти выводы чрезвычайно резки и не совсем соответствуют тексту: самонадеянным Лесков называет Павлина, описывая его должность, как упоминалось выше, функцию. Описывая дальнейшие действия героя, автор не употребляет таких слов и более не делает намеки на эти черты характера. Нельзя рассматривать павлиновы действия в отношении своей же семьи и Любы как совершенные

⁸⁷ Там же, с. 218.

⁸⁸ Петрова Л. М. Духовное странничество в системе ценностных координат Лескова (рассказ «Павлин») // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №3. С. 169–173.

⁸⁹ Там же, с. 171.

⁹⁰ В терминологии автора. Другим синонимом *credo* в работе Л. М. Петровой является «подвижничество».

⁹¹ Там же, с. 171.

«для себя» и в качестве пособничества своему credo, так как они совершены от чистого сердца. Об этом свидетельствует и лесковское представление о праведниках, соотносимое в данном случае с дальнейшими действиями Павлина: «Несосредоточенность на себе, полная растворенность в заботах и скорбях других людей — вот что составляет для Лескова исторически не преходящую ценность. Бескорыстие и самоотверженность праведника, по мысли Лескова, несовместимы с чувством собственной избранности и духовной привилегированности»⁹². Не зря и Ольга заметила в нем хорошего человека и, разумеется, неслучайно в конце рассказа сама ушла в монастырь.

Еще один аргумент, подтверждающий мысль об отсутствии в Павлине самовлюбленности и гордости, заключается в словах, сказанных о нем в начале рассказа: «...это богатыри, но только богатыри, мощные нищетою. Это зерна, которые уже прозябли и пошли в рост т <...> Пока они прозябли <...> они лежали при дорогах, глохли под тернием и погибали, как вы, и я, и целый свет, пока ветер схватил их и бросил на добрую почву»⁹³. Идея богатырства в творчестве Лескова имеет значение не с точки зрения силы физической, но силы духовной: она «...в первую очередь обозначает “чистое сердце”, “душу смиренную”, “пустынного ангела”»⁹⁴. Помимо этого, говоря в рассказе о духовном богатырстве прежних грешников, Лесков обращается к евангельской притче о сеятелях, которая звучит так: «Посеянное в тернии означает слышащих слово, но в которых заботы века сего, обольщение богатством и другие пожелания, входя в них, заглушают слово, и оно бывает без плода»⁹⁵. Г. А. Косых следующим образом интерпретирует использование писателем данной притчи: под «заботами века сего», по ее мнению, подразумеваются обычные хлопоты людей, которые заставляют добрых и чистых людей – «зерна» – «прозябать». Но порыв ветра способен перенести

⁹² Худякова Е. В. Лесковская концепция праведничества и традиции старчества // Ярославский педагогический вестник. 2003. №2. С. 145–149.

⁹³ Лесков Н. С. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 213.

⁹⁴ Косых Г. А. К вопросу номинации «очарованного странника» в творчестве Н. С. Лескова 70-х гг. // Opera Slavica. 2016, vol. 26, iss. 3, p. 10.

⁹⁵ Мк4, 18–19.

«зерна» на благодатную «почву» – именно это в рамках творчества Лескова и называется духовным преображением мира и человека⁹⁶.

Зерна – духовная сила Павлина, неизведанная даже им самим, в полной мере раскрывается вместе с сюжетом рассказа, с появлением в его жизни Любы. В герое изначально было заложено «праведное» начало, однако ему требовалась «почва», которая бы позволила ему раскрыться. Такой «почвой», безусловно, стали события, произошедшие с героем позднее. В связи с этим действительно можно согласиться с Л. М. Петровой и утверждать, что Павлин совершил духовный путь к преображению.

В этой связи следует затронуть отношение Павлина к религии. Во второй главе рассказа указано, Павлин – «гордец по религии»⁹⁷. Такая оценка Павлина – точка зрения жильцов дома. Возможно, мнение окружающих о герое как о гордце по религии объясняется его горделивым отношением к людям в доме. Помимо этого, жильцы и служащие называли Павлина «молоканом» по причине того, что он «не пьет ничего, кроме воды и молока»⁹⁸. Других прямых упоминаний об отношении Павлина к религии в тексте нет.

Герой переживает испытание, толчком к которому стала Люба и павлинова любовь к ней. Впервые о Павлине как человеке мы узнаем из VI главы, где герой подробно рассказывает Ольге о своих намерениях насчет Любы. В его рассказе появляется фраза, опровергающая ранее представление жильцов о герое: «... считая себя обязанным помогать хозяйству <...>, он сам не женился и жил для родных»⁹⁹. Жизнь для родных уже подразумевает зачатки в герое праведных черт личности.

С появлением героини в доме Павлина мы, как читатели, проникаем в его жизнь и получаем возможность посмотреть на него по-другому. Лесков

⁹⁶ Косых Г. А. К вопросу номинации «очарованного странника» в творчестве Н. С. Лескова 70-х гг. // Opera Slavica. 2016, vol. 26, iss. 3, p. 11.

⁹⁷ Лесков Н. С. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 218.

⁹⁸ Там же, с. 218.

⁹⁹ Там же, с. 237.

позволяет увидеть убранство комнаты Павлина, которое было недоступно ранее («Тетка, долго не раздумывая, направилась к неприкосновенному апартаменту Павлина и растворила дверь. Перед нею открылась очень маленькая комнатка, с диванчиком, на котором помещалась плачущая Люба...»¹⁰⁰), раскрываются черты Павлина как человека, а не как должностного лица («Так изменял он в наших глазах свою репутацию в преддверии наступающей эпохи, когда ему предстояло явить себя на искусстве в борьбе чувств, ему, по-видимому, вовсе не свойственных...»¹⁰¹, «...вышло, что она — эта маленькая девочка — сделала из самого Павлина то, чем этот крепкий человек вряд ли думал сделаться»¹⁰²). Это еще раз подтверждает не совсем корректную характеристику Л. М. Петровой в отношении Павлина как изначально самовлюбленного и следующего исключительно своему *credo*.

Таким образом, мы знакомимся с героем, пережившим катарсис¹⁰³: Павлин не является праведником в начале произведения, но с ходом событий становится им. Помимо этого, его доброта, кротость, любовь к ближнему заставляет пережить катарсис и его возлюбленную Любу.

Говоря о преображении мира и человека в прозе Лескова, И. В. Столярова приводит Предание о Преображении Господнем: «Сакральный смысл этой евангельской легенды заключается прежде всего в том, что ученикам Христа, которых он взял с собой на гору Фавор, чтобы вознести там молитву Богу-отцу, была зримо явлена божественная природа их Учителя. Лицо молящегося Христа осветилось вдруг неземным светом, воссияло как солнце; явилось облако и осенило их, а из облака раздался глас: “это Сын Мой Возлюбленный, на Ком Мое благоволение, слушайте его”¹⁰⁴. Так <...> открылась <...> божественная природа их Учителя»¹⁰⁵. И. Столярова приводит

¹⁰⁰ Там же, с. 236.

¹⁰¹ Там же, с. 231.

¹⁰² Там же, с. 239.

¹⁰³ Имеется в виду нравственное очищение (см. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб, 1998. 1534 с.)

¹⁰⁴ Мф17, 1-8

¹⁰⁵ Столярова И. В. На пути к преображению: человек в прозе Н. С. Лескова. СПб., 2012. С. 254.

это предание в рамках анализа рассказа Лескова «Томление духа», однако оно уместно и для «Павлина».

Событием, способствующим катарсису и приведшим к нему главного героя, является последний выезд Любы вместе с Додей ночью и последующий их арест. В XIII главе разворачивается духовное перерождение Павлина: «восхищение им из самого себя», пограничное состояние между раем и адом, осознание им своей греховности¹⁰⁶. Состояние, в котором Павлин появляется перед рассказчиком, очень необычно: «Павлин <...> страдал мучительно, но торжественно и благоговейно: он не пал духом, не плакался и не рыдал, но и не замкнулся в суровом и гордом молчании <...> Напротив, он созерцал, откуда ниспал и куда еще глубже того мог погрузиться и низвесть с собою другое существо,— и он принял все над ним разразившееся, как вполне заслуженный им удар учительной лозы...»¹⁰⁷. В этот момент герой уже близок к перерождению, но пока не пережил его. Дух его, словно закупоренное вино, томился и ожидал своего часа¹⁰⁸. В середине сцены он принимает неожиданное решение:

«— Я... я хочу сделать... чтобы я не мешал.

— То есть как же это?.. Умереть, что ли?

Он посмотрел на меня и вдруг неожиданно улыбнулся чрезвычайно странной улыбкой, давшей его гордому лицу такое доброе и прелестное выражение, какого я никогда на нем не видал, и проговорил:

— Умру-с и жив буду. Надо спастись...»¹⁰⁹.

Его лицо, горделивое и черствое, просветлело: его посетило озарение. Причины такой резкой перемены кроются в великой радости, посетившей его. Радость, свободная от самолюбия, тщеславия, гордыни порождает состояние

¹⁰⁶ Лесков Н. С. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 262–264.

¹⁰⁷ Там же, с. 262.

¹⁰⁸ Там же, с. 263.

¹⁰⁹ Там же, с. 264.

духовного взлета, благодаря которому Павлин обретает божественное значение. «“Вино, верно, открылось, и дух его более не теснил”»¹¹⁰.

Ранее мы рассмотрели вопрос отношения Павлина к религии. Следует отметить, что до XIII главы Лесков не предпринимал попытку ввести религиозную тему в произведение. Слова о том, что Павлин «молокан» и «гордец по религии» являются лишь точкой зрения жильцов дома. Лишь в эпизоде перерождения Павлина мы сталкиваемся с религиозной темой напрямую.

Дальнейшее поведение героя полно искренности и деятельной доброты, направленной не на себя, но на Любу. Ранее он, будучи ослепленным, не замечал, что его возлюбленная несчастна и питает чувства к другому человеку:

«Благоразумный и рассудительный, но всегда строгий к себе и честный Павлин, не будучи способен ни к какому коварству и предательству, не подозревал его в других и потому, имея ум свой чистым и светлым, являлся совершенно слепым»¹¹¹.

Прозрев, Павлин, несмотря на брак и венчание, отпускает Любу по божественному закону¹¹².

Духовное вознесение Павлина затронуло и его жену. К сожалению, процессу духовного становления героини уделено меньше внимания (Лесков в целом мало обращается к ее внутреннему состоянию). Люба тоже пережила мучительные страдания («Мне сдавалось, что все страдание Любы, главным образом, происходит от того, что она живет в швейцарской, а не в бельэтаже, и что она обязана благодарностью лакею, а не его госпоже...»¹¹³), совершила грех и, будучи венчанной, совершила измену. В конце произведения читателю неизвестно моральное состояние героини, однако известно о письмах Павлина

¹¹⁰ Там же, с. 264.

¹¹¹ Там же, с. 254.

¹¹² См. комментарии к 5-му тому: «По учению Христа, развод с женой допускался только в силу вины прелюбодеяния, то есть нарушения седьмой заповеди. На это и указывает Павлин, оправдывая «божественным законом» свой уход от жены и вручение ее человеку, с которым она нарушила заповедь» (Домановский Л. В. Комментарии: Н. С. Лесков. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 598–604).

¹¹³ Лесков Н. С. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 243.

к Любе, в которых он «дает советы, убеждает ее быть терпеливою, благоразумною, доброю, неизменно верною и преданною избранному ею мужу <...> учит терпеть для блага других и для искупления своих заблуждений <...> Он несомненно заботится об одном: возродить духом погибающую Любу...»¹¹⁴. Впоследствии Люба отправляется в монастырь и становится «настоящим ангелом». Так, Павлин не только пережил момент духовного преображения сам, но и инициировал такой процесс в Любе.

Таким образом, «судьба Павлина – это путь духовного странничества»¹¹⁵, пройдя который герой смог познать покаяние, обрести истинные духовные ценности, среди которых любовь Христова, смысл которой определяется заповедью «люби ближнего твоего, как самого себя». В начале рассказа Лесков описывает Павлина как гордого и самонадеянного человека, которому неинтересны горести других людей. Во II главе произведения писатель описывает Павлина как должностное лицо, исполняющее функции лакея. С Павлином как человеком мы сталкиваемся лишь в VI главе произведения. Для описания героя Лесков использует точки зрения как композиционный прием: вплоть до VI главы Павлин предстает перед нами с точки зрения служащих и жильцов дома, у которых не было возможности проникнуть во внутренний мир главного героя.

С появлением Любы в Павлине происходят изменения: верный долгу ранее, заинтересованный лишь заботами своей службы, Павлин находит себя в заботе о другом, о Любе. Из текста ясно, что и ранее он имел предрасположенность к самоотречению («жил для родных»), однако с появлением девочки она развивается и усиливается до предела. Помимо этого, происходит смена точки зрения на Павлина: мы получаем доступ к его внутреннему миру. До XIII главы герой был ослеплен своей любовью к Любе, в связи с этим не замечал страшных событий, происходящих вокруг него. В

¹¹⁴ Там же, с. 276.

¹¹⁵ Петрова Л. М. Духовное странничество в системе ценностных координат Лескова (рассказ «Павлин») // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №3. С. 169–173.

ХIII главе внутренний конфликт Павлина накаляется и разрешается: его посещает озарение и глубокое переживание собственной греховности, приводящее к духовному перерождению. Полный самоотречения, несвойственного ему ранее, Павлин отпускает Любу по закону божьему. Как уже было указано, Павлин был склонен к самопожертвованию, однако в эпизодах жизни с Любой не демонстрировал его в полной мере, так как не замечал ее неувлеченность им.

Герой изменил себя настолько, что был способен перенести изменение на других: катарсис Павлина затронул и его возлюбленную Любу.

2.3. «Пугало» (1885)

Рассказ был написан в 1885 году, затем впервые опубликован в журнале «Задушевное слово», 1885, тт. X—XI, №№ 19—39, с подзаголовком «Рассказ для юношества»¹¹⁶. В том «Праведники» рассказ не вошел, так как, по мнению Лескова, принадлежал к другой группе произведений – «святочные рассказы»¹¹⁷. В дальнейшем «Пугало» изучалось лесковедом как святочный рассказ¹¹⁸. Главный герой произведения – Селиван – был причислен к «праведникам» сыном Н. Лескова – А. Лесковым¹¹⁹. Тем не менее вопрос о причислении Селивана к героям-праведникам остается открытым, в связи с этим перед нами стоит задача доказать принадлежность главного героя – Селивана – к идеальным христианским героям Лескова.

Первое упоминание о Селиване в произведении следующее: «Такой страх овладел мною потому, что дом наш и весь наш край, оказалось, находился во власти одного пристрашного разбойника и кровожадного чародея, который назывался Селиван. Он жил от нас всего в шести верстах,

¹¹⁶ Батюто А. И. Комментарии: Н. С. Лесков. Пугало // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 8. С. 567.

¹¹⁷ Там же, с. 567.

¹¹⁸ Напр., Е. В. Душечкина.

¹¹⁹ Терновская Е. А. Проблема «праведничества» в прозе Н. С. Лескова 1870-1880-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2006. С. 8.

«на разновилье», то есть там, где большой почтовый тракт разветвлялся на два...»¹²⁰.

С первых страниц рассказа Лесков описывает главного героя как «пугало». В этом описании проявилась точка зрения мельника Ильи – крестьянского мужика, который является носителем народных верований. Вплоть до последней главы Селиван описывается Лесковым с точки зрения народного сознания. Взгляд, свободный от мифов, появляется в последней главе произведения.

Следует обратить внимание и на место жительства Селивана. В славянской мифологии разновилье, т.е. перекресток – это роковое, нечистое место, принадлежащее демонам. Считается, что на перекрестке нечистый дух имеет власть над человеком¹²¹. Таким образом, с самого начала рассказа о главном герое формируется представление как человеке, продавшем душу дьяволу и отрекшимся от учения Христа. В данном ключе следует обратиться к описанию внешности героя. В «Пугале» Лесков уделяет мало внимания портрету и приводит некоторые самые яркие характеристики: «...калачнику всегда говорили, что с Селиваном требовалась осторожность, потому что у него на лице была красная метинка, как огонь, — а это никогда даром не ставится. Были такие люди, которые знали на это и особенную пословицу: “Бог плута метит”»¹²²; «Это был мужик плотный, коренастый, с проседью в голове и в усах, — борода комком и тоже с проседью, глаза живые, быстрые и серьезные, но в устах что-то близкое к улыбке»¹²³; «Селиван стоял молча, но... в его некрасивом лице я не видал ни малейшей злости»¹²⁴. Обратимся к первой цитате. Нам представляется необходимым дать толкование фразеологизму

¹²⁰ Лесков Н. С. Пугало // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 8. С. 9.

¹²¹ Славянская мифология: энциклопедический словарь / редколлегия: С. М. Толстая (отв. ред.), Т. А. Агапкина, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, В. Я. Петрухин; Ин-т славяноведения РАН. 2-е изд. М., 2002. 512 с.

¹²² Лесков Н. С. Пугало // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 8. С. 10.

¹²³ Там же, с. 32.

¹²⁴ Там же, с. 42.

«Бог плута метит», в связи с этим обратимся к фразеологическому словарю М. И. Мильхенсона:

«Бог плута(шельму) метит (иноск. иронич.) — об особом дурном выражении на лице или другом отличии. Ср. У него на лице была красная метинка, как огонь, — а это никогда даром не ставится. Были такие люди, которые знали на это и особенную пословицу: "Бог плута метит"... говорили, что благоразумие заставляет ему не доверять, потому что Бог плута метит. Лесков. Пугало. 3. Ср. Вор представлялся чем-то отвратительным, заклеянным самой природой. Салтыков. Дети Москвы»¹²⁵.

Так, родимое пятно на лице воспринималось народным сознанием крайне негативно. Интересно, что печать на челе верующего означает и Божие избранничество, и, следовательно, Божие покровительство над ними: «И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живаго. И воскликнул он громким голосом к четырем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря: не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревьям, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего» (Откр. 7:2-3). Таким образом, родимое пятно на лице Селивана можно толковать по-разному. Основываясь на словарной статье М. И. Мильхенсона, можно сделать вывод об осторожном отношении жителей деревни к Селивану в связи с его внешним отличием. С другой стороны, родимое пятно может интерпретироваться как знак Божиего избранничества.

Остальные детали портрета Селивана, на наш взгляд, не являются необходимыми для анализа.

С развитием сюжета представление о Селиване как о «пугале» лишь усиливается благодаря использованию Лесковым народных примет и поверий (например, присутствие в произведении таких мифических существ, как леший, кикимора, водяной; утверждение способности Селивана к

¹²⁵ Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2-х т. М., 1994. Т. 1. 779 с. Т. 2. 580 с.

оборотничеству и управлению погодными условиями¹²⁶, что тоже считается колдовскими способностями¹²⁷ и др.). Несмотря на то, что герой не раз помогает путникам¹²⁸, впечатление о нем в деревне неизменно. Уже в начале произведения Селиван проявлял себя как человека усердного и ответственного, хорошего работника, однако это не принималось во внимание крестьян. Таким образом, перед нами герой с отрицательной репутацией, имеющий на лице родимое пятно. Интересно, что рассказчик, несмотря на сплетни вокруг Селивана, в глубине души хорошо к нему относился: герою снились сны об их крепкой с Селиваном дружбе¹²⁹.

Правда о «пугале» раскрывается только при попадании рассказчика и его тетки в неприятную ситуацию накануне Рождества. Вынужденные остаться во время непогоды на дворе Селивана, рассказчик и тетка были очень напуганы, в связи с этим, сбегая из дома «пугала», забыли забрать ценную шкатулку. Ее возвращение Селиваном было для всех неожиданным событием, повлекшим за собой раскрытие истинного характера героя. Как уже было указано выше, взгляд на Селивана в рассказе транслируется через народное восприятие, в связи с этим действительная личность героя была скрыта от читателя. К данной проблеме – проблеме особенностей взаимоотношений Селивана и социума – мы вернемся в рамках анализа отношений праведника и социума, так как в настоящем разделе перед нами стоит задача проанализировать героя рассказа «Пугало» и доказать его принадлежность к праведному типу личности.

Рассказ завершается добрым поступком Селивана. Он, будучи человеком честным, следовал евангельской проповеди добра, которая просветляет людей: «Так всегда зло родит другое зло и побеждается только

¹²⁶ Лесков Н. С. Пугало // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 8. С. 15-20.

¹²⁷ Славянская мифология: энциклопедический словарь / редколлегия: С. М. Толстая (отв. ред.), Т. А. Агапкина, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, В. Я. Петрухин; Ин-т славяноведения РАН. 2-е изд. М., 2002. 512 с.

¹²⁸ Лесков Н. С. Пугало // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 8. С. 12-13. С. 30-33.

¹²⁹ Там же, с. 21.

добром, которое, по слову евангелия, делает око и сердце наше чистыми»¹³⁰. Впечатление о герое меняется, меняется и данная ранее портретная характеристика, «некрасивое лицо» в глазах рассказчика превращается в «доброе и прекрасное»: «“Какое у него прекрасное, доброе лицо! Отчего же он мне и другим так долго казался *пугалом*?”»¹³¹. Жители деревни сочли его пугалом из-за нелюдимости, однако ее причины не заключались в злых стремлениях: Селиван оградил себя от людей со светлым намерением спасти девочку-сироту, дочь палача, «человека презренного»¹³² в народе. Герой «должен был скрывать от всех ее происхождение, в котором она была неповинна. Иначе она не избежала бы тяжких попреков от людей, неспособных быть милостивыми и справедливыми. Селиван скрывал ее потому, что постоянно боялся, что ее узнают и оскорбят»¹³³, тем самым согласившись пожертвовать собой и своей репутацией, чтобы сохранить чужую жизнь. В данном контексте следует вновь обратиться к родимому пятну на лице героя: ранее истолкованное как «печать Антихриста» в новых обстоятельствах оно может иметь значение «отмеченного Богом», то есть имеющего покровительство Божие.

Таким образом, внешность Селивана не может быть интерпретирована как присущая герою-праведнику¹³⁴. Родимое пятно – красная отметинка на лице героя – рассматривается как нежелательное клеймо, так и Божие покровительство. Помимо этого, внешность героя, оставаясь неизменной на протяжении всего произведения, реинтерпретируется самим рассказчиком. С ходом сюжета реинтерпретируется и его поступки. Нелюдимость, воспринимаемая ранее отрицательно, в конце произведения возносится и становится одной из необходимых условий спасения дочери палача. Мифологическое сознание, стремившееся объяснить мотивы поступков

¹³⁰ Там же, с. 53.

¹³¹ Там же, с. 51.

¹³² Там же, с. 54.

¹³³ Там же, с. 54.

¹³⁴ Сравняется с портретом Несмертельного Голована.

Селивана, способствовало появлению вокруг него фантастических фактов (напр., способность к оборотничеству и управлению явлениями природы). Подробности жизни «пугала», неизвестные ранее, раскрываются и помогают перейти от мифологической системы интерпретации к религиозной.

2.4. «Овцебык» (1863)

Впервые рассказ был напечатан в журнале «Отечественные записки» в 1863 году (№4). В дальнейшем попал в VI том собрания сочинений Лескова 1890 года. В собрании сочинений сохранилась дата, поставленная под рассказом («Париж. 28-го ноября 1862 года»), хотя другие произведения того же года написания датированы Лесковым не были. По мнению Б.М. Эйхенбаума¹³⁵, для писателя была важна не столько дата написания, сколько место, так как именно в 1862 году Лесков был вынужден уехать за границу из-за написанной им ранее и вызвавшей бурную реакцию общества статьи о пожарах.

«Овцебык» – раннее и при этом очень значительное произведение Н. С. Лескова, в основу которого легли нравственные убеждения писателя, развивавшиеся в дальнейшем и положившие начало многим произведениям. Именно в «Овцебыке» Лесков впервые сосредотачивает свое внимание на изучении народной жизни и ее глубинных пластов. Помимо этого, в рассказе писатель предпринимает попытку создания «положительного типа» героя из народа – праведника. Цель Лескова – найти «нового, симпатичного ему героя в среде людей, еще не испорченных буржуазной цивилизацией, но уже захваченных врасплох новыми отношениями буржуазного периода развития»¹³⁶, и с «Овцебыком» писатель начинает свой путь – путь поиска высоконравственных людей, способных к делу преобразования общественной жизни.

¹³⁵ Информация о публикации рассказа, а также мнение Б. М. Эйхенбаума цитируется по: Эйхенбаум Б. М. Комментарии: Н. С. Лесков. Овцебык // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 1. С. 496–498.

¹³⁶ Троицкий В. Ю. Лесков-художник. М., 1974. С. 26.

Рассказ не был включен Лесковым в «праведнический» том, в дальнейшем произведение редко изучалось лесковедами как праведническое. В статье «У нас на Руси...» И. В. Столярова рассуждает о становлении праведников в творчестве Лескова, однако не называет главного героя рассказа «Овцебык» таковым¹³⁷, обозначая его тип личности как «библейский социалист». Так, исследователь называет произведение значительным, базовым для дальнейшего развития нравственных убеждений писателя: «Продолжая размышлять над этими вопросами, Лесков создает ряд произведений из народного быта <...> По его убеждению, в современной русской действительности “все перебурилось”»¹³⁸. Е. В. Душечкина в одной из своих работ называет Овцебыка праведником: «...в центре внимания рассказчика первый лесковский праведник Василий Петрович Богословский (по прозвищу Овцебык), недавно окончивший Курскую семинарию. Все остальное дается для полноты и точности раскрытия необычного характера и психологии героя как праведника»¹³⁹. Рассказ «Овцебык» несет в себе предпосылки зарождения праведного типа героя, в связи с этим нам представляется целесообразным проанализировать его.

Главный герой рассказа – Василий Петрович Богословский по прозвищу «Овцебык». Приведем его описание:

«Ему было двадцать восемь лет, а на вид казалось гораздо более. Это был не атлет, не богатырь, но человек очень сильный и здоровый, небольшого роста, коренастый и широкоплечий. Лицо у Василия Петровича было серое и круглое, но кругло было только одно лицо, а череп представлял странную уродливость. <...> Прическу он носил такую, как будто нарочно хотел ввести всех в заблуждение о фигуре своего “верхнего этажа”. Сзади он очень коротко выстригал весь затылок, а наперед от ушей его темно-каштановые волосы шли двумя длинными и густыми косицами. <...> Этим косицам Василий

¹³⁷ Столярова И. В. «У нас на Руси...» // Н. С. Лесков. Избранное. В 2-х томах. Т. 1. Л., 1977. С. 6-7.

¹³⁸ Там же, с. 6.

¹³⁹ Душечкина Е. В. Николаевский указ 1827 г. в видении Н. С. Лескова (рассказ «Овцебык») // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. №2. С. 181.

Петрович более всего был обязан своим сходством с овцебыком. В фигуре Василия Петровича, однако, не было ничего смешного. Человек, который встречался с ним в первый раз, видел только, что Василий Петрович, как говорится, «плохо скроен, да крепко сшит», а взглядевшись в его карие, широко расставленные глаза, нельзя было не видеть в них здорового ума, воли и решительности. <...> Я никогда не встречал человека, который бы так улыбался, как Богословский. Лицо его оставалось совершенно спокойным; ни одна черта не двигалась, и в глазах оставалось глубокое, грустное выражение, а между тем вы видели, что эти глаза смеются, и смеются самым добрым смехом, каким русский человек иногда потешается над самим собою и над своею долею»¹⁴⁰.

Портрет Овцебыка не является выдающимся: Лесков описывает Василия Петровича, начиная с общего облика и переходя к деталям. Следует обратить внимание прежде всего на зооморфность героя: в эпиграфе Лесков располагает цитату из зоологического справочника, подчеркивая редкость, исключительность Овцебыка. «Вставай, брат, я тебе зверя покажу»¹⁴¹, - говорит Челновский рассказчику. Богословского не называют «интересным» или «удивительным» человеком, его зовут просто – зверь. Зооморфность героя можно расценивать и как конфронтацию христианской традиции, нашедшей отражение в фамилии Василия Петровича: самым именем ему было суждено стать попом, но натура у него совершенно противоположная – зверская, мистическая. Таким образом, в начале рассказа Овцебык предстает перед нами человеком, отличающимся от других внешними признаками, чудаковатостью, схожестью со зверем.

Вернемся к анализу портрета героя. Причудливые детали внешнего облика Овцебыка делают героя забавным и немного смешным, но, вводя детали «крепкого», «решительного» и «волевого» человека, Лесков снимает комичность. Несмотря на некрасивое лицо и уродливый череп, Овцебык

¹⁴⁰ Лесков Н. С. Овцебык // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 1. С. 31.

¹⁴¹ Там же, с. 36.

производил впечатление сильного и здорового человека. Интересной деталью становится улыбка Богословского. Обратим внимание на то, что при анализе портрета праведных героев Лескова мы сталкиваемся с особой улыбкой на лице праведников – светлой, спокойной и доброй. Такая улыбка была у Несмертельного Голована, и сейчас мы вновь обнаруживаем ее у Овцебыка. Несмотря на указание Лескова на то, что Василий Петрович был «не богатырь», описание телосложения героя как «крепкого и здорового», «широкоплечего» производит обратное впечатление – богатырское. В этом ключе целесообразно вспомнить цитату из рассказа «Павлин», анализируемого нами ранее: «...это богатыри, но только богатыри, мощные нищетою. Это зерна, которые уже прозябли и пошли в рост <...> Пока они прозябли <...> они лежали при дорогах, глохли под тернием и погибали, как вы, и я, и целый свет, пока ветер схватил их и бросил на добрую почву»¹⁴². В данном контексте, как мы помним, имеется в виду не сила физическая, но сила духовная. Внешность героя-праведника у Лескова, вероятно, имеет связь с духовным состоянием.

Анализируя внешний облик Василия Богословского, исследователь Н. П. Черногорова обнаруживает иконографический принцип создания словесного портрета героя:

«Попробуем сравнить процесс раскрытия типажа героя с тем, как мы читаем иконы с изображением святого: сначала мы замечаем общий абрис – размер, тип иконы (визуальная постановка образа Овцебыка – возраст, фигура). Затем начинаем идентифицировать изображенного на ней святого: по определенным признакам <...> мы определяем, какой именно святой на иконе изображен (в тексте Лескова: визуализация отдельных черт и деталей портрета, свойственных Василию, его личности). Следующий этап чтения иконы – переходный к литургической части, началу молитвы святому <...> Тот момент, когда мы, рассматривая икону, подмечаем выражение лица,

¹⁴² Лесков Н. С. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 213.

строгость или кротость взгляда <...> – в это мгновение мы раскрываем ее содержимое. У Лескова в описании Овцебыка этот момент соответствует раскрытию характера героя, являет его интеллектуальный и эмоциональный портрет (выражение глаз, особенность улыбки и т.д.)»¹⁴³.

Задается святость как один из аспектов его образа. Использование Лесковым иконографической традиции в создании словесного портрета, разумеется, не позволяет нам с уверенностью утверждать, что Овцебык является героем-праведником, однако позволяет сохранить данное предположение.

Обратимся к характеру Василия Богословского. Он противоположен изначально заявленной зверской натуре. Челновский определил суть образа Овцебыка так: «— Новый Диоген! <...> все людей евангельских ищет»¹⁴⁴. Поверхностное сходство Диогена и Богословского можно обнаружить во внешнем виде и противоречивом отношении к нему окружающих: «праздношатающийся, со странной и даже отвратительной сатиropодобной наружностью, шарлатан, который терял время в разговорах. Современники мудреца видели досадительные неудобства в сожительстве с таким человеком и решили его сбить с рук, и сбыви...»¹⁴⁵. Философичность образа Богословского подчеркивается и его способностью к уединению и созерцанию: «...свернет книгу, положит ее под голову да смотрит в небо»¹⁴⁶.

Несмотря на зооморфность и уродливую внешность, натура Овцебыка противоположна кажущейся. Характерной чертой Василия Богословского можно считать стремление к обретению истины. Вся его жизнь – путь, в котором он «евангельских людей ищет». Путь, пройденный Богословским, обнаруживает в герое способность к самопожертвованию, обостренное чувство справедливости, стремление защитить тех, кто не может защитить

¹⁴³ Черногорова Н. П. «Иконографические» принципы создания словесных портретов в творчестве Н.С. Лескова (на примерах повести «Овцебык» и некоторых произведений из цикла «Праведники») // Филологический аспект. 2016. №7 (15). С. 6–10.

¹⁴⁴ Лесков Н. С. Овцебык // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 1. С. 38.

¹⁴⁵ Там же, с. 89.

¹⁴⁶ Там же, с. 48.

себя. Интересно, что Овцебык, несмотря на то, что «читал только евангелие да древних классиков»¹⁴⁷, черпает свое вдохновение не столько в религии как таковой (как и Несмертельный Голован, и Павлин, и Селиван), сколько в своем внутреннем искреннем желании правды, решимости постоять за людей, способности к самопожертвованию («...все очень хорошо знали, что нет жертвы, которой бы Овцебык не принес для каждого из своих присных и знаемых...»¹⁴⁸), аскетизме («Отличительной его чертой была евангельская беззаботливость о себе <...> Ему отдавать было нечего, но он способен был снять с себя последнюю рубашку и предполагал такую же способность в каждом из людей, с которыми сходил...»¹⁴⁹), доброте, исходящей из глубины сердца. Василий Петрович черпал свои идеи из Евангелия, глубины народной жизни и глубин собственной души. В XII главе читатель узнает, что Богословский увлекается и Платоном. Места, «очеркнутые ногтем», указывают на то, что Овцебык искал в учении Платона равновесие в мире и идеи власти. И. В. Поздина справедливо указывает на цитату, выделенную Богословским в Платоновой книге: «Бог есть мера всех вещей, и мера совершеннейшая. Чтобы уподобиться богу, надо быть умеренным во всем, даже в желаниях»¹⁵⁰ и сравнивает ее с подписью, расположенной ниже и написанной рукой Овцебыка: «Васька глупец! Зачем ты не поп? Зачем ты обрезал крылья у слова своего? Не в ризе учитель – народу шут, себе поношение, идее – пагубник. Я тать, и что дальше пойду, то больше сворую»¹⁵¹. И. В. Поздина объясняет увлечение героя Платоном тем, что Василий Петрович взял слово Божие, попытался наполнить его собственным смыслом, а утопические идеи великого философа применил в коренных слоях русской жизни, там, где они обречены на полный провал¹⁵². Так, Овцебык

¹⁴⁷ Там же, с. 33.

¹⁴⁸ Там же, с. 33.

¹⁴⁹ Там же, с. 33.

¹⁵⁰ Там же, с. 94.

¹⁵¹ Там же, с. 94.

¹⁵² Поздина И. В. Жанровая специфика прозы Н. С. Лескова 1860-х годов. Челябинск, 2011. С. 47.

создал миф на основе Платона и Евангелия, который не может существовать в условиях, в которых существовал сам Богословский.

Характерная черта героя – стремление к обретению истины – становится для Овцебыка и отличающей от других, наполняющей его святостью, и в то же время губительной. Противоречивость природы Богословского играет с ним злую шутку, его проповедь, несмотря на любовь к людям, наполнена гневом и ненавистью, проповедничество становится курьезом. Василий Петрович – мечтатель, стремящийся к преобразованию действительности. Однако его радикальность не соответствует нормам христианского миропорядка. «Сама по себе идея о земной справедливости уже демонична (равно как и утопична), ибо во главу угла ставит человека и его человеческое, а не божественное»¹⁵³. Помимо этого, трагедия Овцебыка заключается и в том, что его попытка привнести христианские идеалы и идеи Платона в мир обернулись комедией.

Следует упомянуть и романтическое увлечение Овцебыка – Настасью Петровну. Это тайна, которую он тщательно скрывал. Можно предположить, что идеалистическое мировоззрение, характерное для Богословского, столкнулось со страстью, испытываемой к Настасье Петровне. «Травестированию подвергаются не только идеи героя, но и его влюбленность: он искал “мужей, которых бы страсти не делали рабами”, а между тем сам оказался рабом своих страстей»¹⁵⁴.

Чудаковатость Овцебыка заставила его мириться с окружающими его слухами и неприятными прозвищами («жилец могил», «упырь», «шут» и проч.). Он непонятен окружающим его людям, в связи с этим получает мистический ореол. Так, Овцебыка от окружающих отличала не внешняя схожесть со зверем и чудаковатое поведение, а его натура. «Неожиданно “странности” природы Овцебыка получают знаки высокой святости <...>

¹⁵³ Там же, с. 47.

¹⁵⁴ Там же, с. 49.

Неуживчивый герой, который многим не нравится только потому, что старался сохранять в себе человека и искал того же в других»¹⁵⁵.

Таким образом, Овцебык – один из первых героев Лескова, герой, крайне похожий на праведника. Богословский обладает теми же чертами, что и Голован: искренней любовью к ближнему, способностью к самопожертвованию, отсутствием потребности в заботе о себе, «богатырскими» внешними данными, которые Лесков дает многим своим праведникам, и улыбкой – спокойной и незлобивой. Овцебык живет по Евангелию, стремится познать истину. По сравнению с Павлином, Несмертельным Голованом и Селиваном, Богословского отличает явное стремление к изменению уже существующего миропорядка. Василий Петрович не только живет по Евангелию, он толкует его по-своему, пытается радикально преобразить мир, найти истину. Это главное его отличие от более поздних идеальных героев Лескова: ни Павлин, ни Голован не стремятся к изменению реальности, их целью является лишь забота об окружающих их людях. Каждый из праведных героев ранее проанализированных рассказов является защитником более слабого, у Овцебыка такой цели нет. Разумеется, в Богословском присутствуют черты праведного типа личности¹⁵⁶, но с уверенностью назвать его праведником, на наш взгляд, к сожалению, невозможно. Повторим, Овцебык – начало лесковского пути к созданию идеальных героев.

ВЫВОДЫ

В рассмотренных рассказах только трех героев можно назвать праведниками (Несмертельного Голована, Павлина и Селивана). Эти герои отличаются внешним обликом, действиями, религиозными взглядами и отношением к окружающим.

¹⁵⁵ Там же, с. 43.

¹⁵⁶ Напр., эпизод с рекрутами

1) *Портрет.*

Несмертельный Голован:

«...он был смугл, круглолиц, с голубыми глазами, очень крупным носом и толстыми губами»¹⁵⁷; «Спокойная и счастливая улыбка не оставляла лица Голована ни на минуту: она светилась в каждой черте, но преимущественно играла на устах и в глазах, умных и добрых, но как будто немножко насмешливых. Другого выражения у Голована как будто не было...»¹⁵⁸; «В нем было, как в Петре Великом, пятнадцать вершков; сложение имел широкое, сухое и мускулистое; он был смугл, круглолиц, с голубыми глазами, очень крупным носом и толстыми губами»¹⁵⁹.

Павлин:

«Он был мужчина высокий, плотный и очень стройный; светлый блондин, с большими, очень приятными серыми глазами, прекрасным умным лбом, замечательною строгостию в лице и достоинством в движениях и во всей его в глаза бросающейся многозначительной позитуре»¹⁶⁰.

Селиван:

«...калачнику всегда говорили, что с Селиваном требовалась осторожность, потому что у него на лице была красная метинка, как огонь, — а это никогда даром не ставится. Были такие люди, которые знали на это и особенную пословицу: “Бог плута метит”»¹⁶¹; «Это был мужик плотный, коренастый, с проседью в голове и в усах, — борода комком и тоже с проседью, глаза живые, быстрые и серьезные, но в устах что-то близкое к улыбке»¹⁶²; «Селиван стоял молча, но... в его некрасивом лице я не видал ни

¹⁵⁷Лесков Н. С. Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 6. С. 353.

¹⁵⁸Там же, с. 353.

¹⁵⁹Там же, с. 353.

¹⁶⁰Лесков Н. С. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 217.

¹⁶¹Лесков Н. С. Пугало // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 8. С. 10.

¹⁶²Там же, с. 32.

малейшей злости»¹⁶³; «“Какое у него прекрасное, доброе лицо! Отчего же он мне и другим так долго казался *пугалом*?”»¹⁶⁴.

Овцебык:

«Ему было двадцать восемь лет, а на вид казалось гораздо более. Это был не атлет, не богатырь, но человек очень сильный и здоровый, небольшого роста, коренастый и широкоплечий. Лицо у Василия Петровича было серое и круглое, но кругло было только одно лицо, а череп представлял странную уродливость. <...> Прическу он носил такую, как будто нарочно хотел ввести всех в заблуждение о фигуре своего “верхнего этажа”. Сзади он очень коротко выстригал весь затылок, а наперед от ушей его темно-каштановые волосы шли двумя длинными и густыми косицами. <...> Этим косицам Василий Петрович более всего был обязан своим сходством с овцебыком. В фигуре Василия Петровича, однако, не было ничего смешного. Человек, который встречался с ним в первый раз, видел только, что Василий Петрович, как говорится, “плохо скроен, да крепко сшит”, а взглядевшись в его карие, широко расставленные глаза, нельзя было не видеть в них здорового ума, воли и решительности. <...> Я никогда не встречал человека, который бы так улыбался, как Богословский. Лицо его оставалось совершенно спокойным; ни одна черта не двигалась, и в глазах оставалось глубокое, грустное выражение, а между тем вы видели, что эти глаза смеются, и смеются самым добрым смехом, каким русский человек иногда потешается над самим собою и над своею недолею»¹⁶⁵.

В рассказах портретную характеристику имеют только герои-праведники. Несмертельный Голован, как «очевидный» представитель праведного типа личности, описывается наиболее полно. По его портрету можно предположить, что он относится к идеальным героям Лескова. Анализируя внешний облик Павлина и Овцебыка, мы обнаружили, что в

¹⁶³ Там же, с. 42.

¹⁶⁴ Там же, с. 51.

¹⁶⁵ Лесков Н. С. Овцебык // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 1. С. 31.

портретной характеристике может быть намек на внутреннюю духовную силу¹⁶⁶. Однако, основываясь лишь на портретной характеристике, достоверно установить, имеет ли герой праведные черты, невозможно. О праведничестве свидетельствуют действия и поступки.

2) *Поступки и отношение к окружающим.*

Несмертельный Голован:

«...сарай этот был подарен Головану за какую-то услугу, оказывать которые он был большой охотник и мастер»¹⁶⁷; «Сюда же приходили к нему, бывало, какие-то простые люди — всегда за советами»¹⁶⁸; «И он на многие такие вопросы давал “помогательные советы”, и вообще ни за какой спрос не сердился...»¹⁶⁹.

Павлин:

«Павлин действительно был заносчив и горд и не хотел допускать ни малейшего сближения с собою никого из служащих людей»¹⁷⁰; «... считая себя обязанным помогать хозяйству <...>, он сам не женился и жил для родных»¹⁷¹; «Надо помогать человеку не послаблением, так как от этого человек еще более слабнет, а надо помогать ему на ноги становиться и о себе вдаль основательно думать, чтобы мог от немилостивых людей сам себя оберегать»¹⁷²; он «дает советы, убеждает ее быть терпеливою, благоразумною, доброю, неизменно верною и преданною избранному ею мужу <...> учит терпеть для блага других и для искупления своих заблуждений <...> Он несомненно заботится об одном: возродить духом погибающую Любу...»¹⁷³.

Селиван:

¹⁶⁶ Имеется в виду тема богатства.

¹⁶⁷ Лесков Н. С. Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 6. С. 356.

¹⁶⁸ Там же, с. 358.

¹⁶⁹ Там же, с. 372.

¹⁷⁰ Лесков Н. С. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 218.

¹⁷¹ Там же, с. 237.

¹⁷² Там же, с. 238.

¹⁷³ Там же, с. 276.

«Вдруг, однажды, приезжает с ярмарки купец, которому принадлежал давно опустелый постоялый двор «на разновилье», и говорит, что с ним было несчастье: ехал он, да плохо направил на гать свою лошадь, и его воз придавил, но его спас неизвестный бродяжка»¹⁷⁴; «Мы легко могли поскользнуться и упасть, но, к счастью, нас обвили две черные жилистые руки — и тот самый мужик, который выглянул на нас страшно из орешника <...> я тотчас же догадался, что нас спас не кто иной, как сам Селиван!»¹⁷⁵; «...Селиван, по нежной доброте своего сердца, был тронут горестной судьбою беспомощной дочери умершего в их городе отставного палача. Девочку эту никто не хотел приютить <...> он не мог решиться держать у себя палачову дочку в городке <...> Селиван скрывал ее потому, что постоянно боялся, что ее узнают и оскорбят, и эта скрытность и тревога сообщились всему его существу и отчасти на нем отпечатлелись»¹⁷⁶.

Овцебык:

«— Новый Диоген! <...> все людей евангельских ищет»¹⁷⁷; «...все очень хорошо знали, что нет жертвы, которой бы Овцебык не принес для каждого из своих присных и знаемых...»¹⁷⁸; «Отличительною его чертою была евангельская беззаботливость о себе <...> Ему отдавать было нечего, но он способен был снять с себя последнюю рубашку и предполагал такую же способность в каждом из людей, с которыми сходил...»¹⁷⁹;

Праведники Лескова — герои деятельные, чья любовь и самоотверженность направлена на окружающих их людей. Очевидным примером деятельной любви оказался Несмертельный Голован: его помощь всем жителям деревни была замечена социумом. После тяжелого пути к преображению, любовь Павлина не просто направлена на Любу, но и переносится на нее. Селиван пожертвовал собой и своей репутацией, чтобы

¹⁷⁴ Лесков Н. С. Пугало // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 8. С. 13.

¹⁷⁵ Там же, с. 32-33.

¹⁷⁶ Там же, с. 53-54.

¹⁷⁷ Лесков Н. С. Овцебык // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 1. С. 38.

¹⁷⁸ Там же, с. 33.

¹⁷⁹ Там же, с. 33.

спасти человека. Действия анализируемых героев почти не направлены на самих себя, что делает их полностью свободными от рефлексии и мук заботы о себе. Ни один из них не стремился получить личную выгоду от предоставленной помощи. Единственным героем, стоящем особняком в данном списке, был Овцебык. Одной из причин, по которой он не может быть назван праведным героем, оказывается отсутствие подобного стремления к деятельной любви.

3) *Отношение к религии.*

Несмертельный Голован: «сумнителен в вере»¹⁸⁰; «Я из прихода творца-вседержителя, — а такого храма во всем Орле не было»¹⁸¹.

Павлин: «гордец по религии»¹⁸².

Овцебык: «читал только евангелие да древних классиков»¹⁸³.

Герои имели своеобразное отношение к религии – «сумнительное». Головану и Павлину приписывали молоканство. Интересно, что только Головану задавали вопрос о его принадлежности к какому-либо приходу. Народное сознание интерпретировало их «чистую» веру как приверженность другим учениям. Глубокую религиозность мы обнаруживаем у Павлина после перерождения. Стремление Овцебыка «найти евангельских людей» тоже говорит о приверженности к «чистой» вере. Прямого отношения к христианству герои не имеют, однако проявляют свою религиозность через поступки и нравственные идеалы.

Павлин и Селиван крайне схожи с Несмертельным Голованом – «идеальным» лесковским праведником. Их объединяет стремление к самоотречению, деятельной любви, доброте и искренности. Однако отличаются портретные характеристики героев: только внешний облик Голована позволяет назвать его праведником, не прибегая к дальнейшему

¹⁸⁰Лесков Н. С. Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 6. С. 373.

¹⁸¹ Там же, с. 375.

¹⁸² Лесков Н. С. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 218.

¹⁸³ Лесков Н. С. Овцебык // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 1. С. 33.

анализу. Отличие Овцебыка от Голована раскрывается в отсутствии стремления помочь другим.

Эволюцию развития праведного типа личности можно проследить от «Овцебыка» (1863), как самого раннего из выбранных рассказов, к «Пугалу» (1885), как самому позднему. Богословский выступает против несправедливости и стремится изменить социальный порядок, чем демонстрирует высокое нравственное начало. Это отсутствует у Павлина, Голована и Селивана. Лесков снимает с Овцебыка мученический венец, оставляет острую внутреннюю напряженность. Праведники Лескова более не стремятся к искоренению неправды, они, наоборот, будто не замечая несправедливости, лишаются рефлексии и растворяются в заботах других. Мир, в котором живет Павлин до преобразования, мало чем отличается от мира Богословского. Однако Павлина заботит преобразование внутреннего мира. Уже в «Павлине» Лесков развивает острое непонимание праведника окружающими. В «Несмертельном Головане» и «Пугале» мы встречаемся с крайней степенью несоответствия миров праведника и окружающих его людей. Развитие праведного типа героя наблюдается и в повседневных заботах: Овцебык был занят собой, исполнением своих желаний, в то время как другие герои направляли свою деятельность на других. Это касается и Павлина, который, как известно, своим поведением стремился помочь жильцам дома.

ГЛАВА 3. ПРАВЕДНИК И СОЦИУМ

3.1. Драматургическая теория И. Гофмана

Ирвинг (Эрвин) Гофман – американский социолог второй половины XX века, чьи исследования выходят за рамки социологии и распространяются на психологию, антропологию и лингвистику.

Предметом его исследований является порядок взаимодействия индивидов в рамках определенной социальной ситуации. Для изучения социальных ситуаций Гофман предлагает использовать «драматургический подход», который позволяет рассмотреть разные планы взаимодействия. Они уподобляются «разыгрыванию спектакля», словно в театре, следовательно, заранее срежессированны.

По Гофману, участники повседневных действий определяются как актеры, которые играют определенные социальные роли. Автор исследует взаимодействие личности в рамках общественных контактов через призму вопросов: «Как мы представляем свое Я окружающим?» или «Какое Я является нашей сущностью, настоящим?». Люди познают друг друга через эти роли.

На «разыгрывание спектакля» влияет культурный сценарий (или определенные культурные нормы, негласно принятые в обществе), сцена (где именно разворачивается социальная ситуация), аудитория. Личность же человека характеризуется «масками», а «маски», в свою очередь, определяют презентацию человека в обществе и его повседневное поведение. В рамках коммуникативной ситуации индивиды осознанно подают друг другу знаки, несущие информацию другим индивидам о том, как на них следует реагировать. Обмен такими знаками формирует согласованное определение ситуации и конкретный сценарий, которому в дальнейшем будут следовать все участники взаимодействия.

В настоящей работе активно применяется терминологический аппарат теории И. Гофмана (см. Приложение 1) и несколько принципов социальной драматургии¹⁸⁴. Рассмотрим базовые теоретические положения, позволяющие более полно рассмотреть теорию социальной драматургии И. Гофмана:

- конкретная коммуникативная ситуация – это сцена. Играя роль, индивид исполняет свою коммуникативную роль, тем самым наполняя ситуацию определенным смыслом;
- актер приобретает определенный образ только в процессе коммуникации; цель актера – создать определенное впечатление о себе;
- с помощью созданной маски индивид создает себе определенную реальность, однако выбор индивидом маски (роли) соответствует не только удобству конкретной ситуации, но и желаемому лицу, которое соответствует либо его настоящему Я, либо его внутреннему состоянию, либо желанию быть увиденным именно через призму определенной роли. Исполнение роли становится неотъемлемой частью личности индивида;
- каждый индивид имеет несколько «масок», так как входит в различные круги общения;
- Гофман выделяет два вида коммуникации: произвольное и непроизвольное самовыражение. Произвольное самовыражение состоит из вербальных символов и контролируется индивидом, который стремится представить информацию о себе в рамках общепринятых социальных норм. При непроизвольном самовыражении индивид «выдает» свое настоящее «я», что проверяется неконтролируемым поведением и проявляется

¹⁸⁴ Теоретические положения и терминологический аппарат из следующих работ: Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М., 2003. 752 с.; Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М., 2000. 304 с.; Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ / Пер. с англ. А. М. Корбута; под ред. М. М. Соколова. М., 2017. 381 с.

спонтанно. Достоверность контролируемого проведения проверяется неконтролируемыми действиями. Индивид, в свою очередь, понимая это, стремится установить равновесие в коммуникации и манипулировать впечатлением окружающих.

- для того чтобы деятельность индивида была значимой, ему следует в течение всей коммуникации подчеркивать то, что он желает передать;
- в некоторых случаях попытки индивида представить определенный публичный образ себя оборачивается неудачей, и окружающие формируют ложное представление об индивиде. Гофман отмечает, что в случае, если ложное представление было создано с верой в его истинность или по причине недостаточного анализа фактов, оно может не иметь негативных последствий;
- по Гофману, в процессе коммуникации важную роль играет социальная дистанция между исполнителем и окружающими (т.е. соблюдение правил вежливости или поддержания той чести, которая была приписана индивиду ранее). Она позволяет сохранять трепет публики перед индивидом, создавая, таким образом, мистификацию публики в отношении исполнителя;
- определенная роль индивида строится не столько на желании индивида представить себя в определенном свете, сколько на всех участниках коммуникации и социальными нормами, принятыми в собрании;
- исполнение индивида на переднем плане создает впечатление того, что он стремится соответствовать определенным правилам вежливости в беседе и приличиям (напр., форме одежды).

Исполнение того или иного спектакля более успешно, если оно разыгрывается командами (teams). Команда по Гофману – это группа индивидов, сотрудничающих между собой с целью поддержания

запланированного определения социальной ситуации. В рамках команды индивиды имеют возможность заранее распределить роли и рассчитать риски. Автор выделяет несколько ключевых пространств исполнения (front regions и back regions); ролей в исполнении, которые реализуются в рамках контакта нескольких команд. Далее Гофман делает вывод о командном поведении: индивид чувствует потребность в команде, так как с ее помощью у него появляется возможность войти в сговор или поучаствовать в совместной публичной релаксации. Помимо этого, индивид нуждается в аудитории, так как только перед ней у него появляется возможность представить свое лучшее социальное Я. Следует остановиться на том, что Гофман называет «выходом из образа». Это процесс, при котором исполнители ролей обеих команд переходят к одной из четырех форм взаимодействия: а) «перемывание костей, то есть обсуждение отсутствующих»; б) «сценические разговоры, когда члены команд обсуждают исполнение ролей»; в) «командный сговор, смысл которого заключается в обсуждении внутренних дел, недоступных для внешней аудитории»; г) «форма перестроений в ходе исполнения»¹⁸⁵. Нас интересует тот «выход из образа», который Гофман называет «перемыванием костей». В рамках исследуемой прозы Лескова данный вид «выхода» достаточно популярен и используется социумом всякий раз, когда праведника нет рядом. В дальнейшем подробно останавливаться на командном взаимодействии нам не представляется целесообразным, так как в прозе Лескова не уделяется много внимания процессам, происходящим внутри общества.

К сожалению, И. Гофман практически не рассматривает проблему порождения слухов, которая является важной в анализе выбранной прозы Лескова. «Сплетни – это такая занимательная вещь, которую люди готовы слушать всегда»¹⁸⁶. Автор пишет, что процесс создания слухов – тоже игра актеров на сцене, однако более сложная, так как перед индивидом,

¹⁸⁵ Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М., 2003. С. 36.

¹⁸⁶ Там же, с. 673.

распространяемым сплетни, стоит задача заставить аудиторию поверить в то, что правдой не является. Игры (в том числе на сцене) создаются с целью увлечения аудитории. Если аудитория оказывается не увлечена ею, то пьеса не может иметь успех. Таким образом, театральное действие следует выстроить таким образом, чтобы оно содержало кульминацию: «Это может быть и обычный разговор, но и в этом случае он должен содержать в себе исповедь, разоблачение, ссору, внезапное сближение и т. п. — все то, что может стать поворотным событием в реальной жизни, несмотря на чисто словесное выражение»¹⁸⁷. Кризисные события люди склонны воспринимать как способ структурирования жизни и понимания «ситуации другого». Помимо этого, совокупное групповое знание о социальных нормах черпается из культурных традиций того или иного культурного общества, а повседневная жизнь – это отражение модели, построенной этими социальными нормами. Таким образом, сплетни может быть инструментом понимания ситуации другого, попыткой обмена опытом или выстраивания корреляции между существующими нормами и ролью индивида: «...люди всеми силами и с полной самоотдачей поддерживают то, что считают своим организованным опытом. Они создают фонд поучительных историй, игр, загадок, экспериментов, сплетен и прочих сценариев, которые наилучшим образом поддерживают <...> картину действующего мира»¹⁸⁸.

Таким образом, социальная психология Гофмана предполагает, что самопрезентация – это порождение и контроль определенного впечатления, создающегося у людей друг о друге только в процессе взаимодействия лицом к лицу. Это такая коммуникативная стратегия, которая включает в себя вербальные и невербальные признаки. По Гофману, индивид не только осознанно создает определенный образ себя в процессе взаимодействия, но и способен смотреть на себя глазами воспринимающего с целью коррекции своего поведения в соответствии с ожиданиями аудитории.

¹⁸⁷ Там же, с. 673-674.

¹⁸⁸ Там же, с. 680.

Публичный образ себя не будет равен истинной личности индивида, однако будет ее частью. Гофман проводит параллель между повседневными социальными ситуациями и театром, уподобляя последние спектаклю, в связи с этим называет свой подход «драматургическим». Каждую социальную ситуацию можно разделить на несколько зон, в которых происходит основное и неосновное действие. Процесс самопрезентации и конечный результат будут зависеть от множества элементов: социальных норм каждого социального сообщества (вербальных и невербальных, в том числе внешность), установок индивида перед социумом (произвести желаемое впечатление, оправдать ожидания социума и проч.), культурных ценностей социального сообщества, ситуативной уместности.

3.2. Анализ взаимоотношений лесковских праведников и социума

Взаимоотношения лесковских праведников и социума имеют специфический характер. На основе проанализированных ранее рассказов можно сделать вывод о том, что праведные герои часто интерпретируются окружающими некорректно, часто остаются непонятыми окружающими, в связи с этим в некоторых случаях имеют дурную славу (напр., Павлин и Селиван) и воспринимаются как юродивые (напр., Селиван) несмотря на то, что стремятся следовать общепринятым нормам.

Отсутствие взаимопонимания между социумом и праведником, несомненно, вызвано определенными причинами. Используя драматургическую теорию И. Гофмана, мы предпримем попытку проанализировать социальные связи в выбранной прозе Лескова; определить, по какой схеме развиваются взаимоотношения праведника и социума; выявить причины отсутствия взаимопонимания между ними. Для этого воспользуемся классификацией праведников, предложенной Е.А. Терновской¹⁸⁹ и разделим анализируемых героев на особые группы: «а) “жертвы” народного невежества;

¹⁸⁹ Терновская Е. А. Проблема «праведничества» в прозе Н. С. Лескова 1870-1880-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2006. С. 11.

б) “жертвы” власть имущих; в) “жертвы” щедрой души»¹⁹⁰. Благодаря такому делению, у нас появляется возможность системно рассмотреть взаимоотношения праведника и социума. Несмертельный Голован и Селиван являются «жертвами» народного невежества, так как их репутация была полностью выстроена на народных наблюдениях и представлениях. У них есть возможность изменить мнение окружающих о себе. К «жертвам» власть имущих можно отнести Павлина, так как его репутация полностью зависит от его должности. У него нет свободы распоряжаться собственной судьбой и жизнью. «Жертва» щедрой души – Овцебык. Он имеет свободу распоряжаться своими жизнью и судьбой самостоятельно, однако это губительно для него.

3.2.1. «Жертвы» народного невежества

В основе репутации Голована и Селивана лежит их мифологизация окружающими. Однако если следовать концепции Гофмана, то человек самостоятельно выбирает себе «маску», подходящую под определенные социальные условия. Так, оба героя самостоятельно создали определенный образ себя во время взаимодействия лицом к лицу. Рассмотрим подробнее взаимоотношения Голована и Селивана с народом.

Репутация Несмертельного Голована складывалась из определенной последовательности его действий. Приведем цитаты из текста, характеризующие положение Голована в обществе:

«Из пяти женщин, живших с Голованом, три были его сестры, одна мать, а пятая называлась Павла, или, иногда, Павлагеюшка. Но чаще ее называли “Голованов грех” <...> Знала ли она, что ее имя «грех»,— я не сведущ, но таково было ее имя в народе, который твердо стоит за выдуманные им клички. Да и как иначе: где женщина, любящая, живет в доме у мужчины, который ее любил и искал на ней жениться,— там, конечно, грех»¹⁹¹.

¹⁹⁰ Там же, с. 11.

¹⁹¹ Лесков Н. С. Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 6. С. 357-361.

«Было мнение, <...> что сам был молокан. Может быть, это значило просто, что он все возился с молоком, но может быть, что название это метило прямо на его веру...»¹⁹².

«“Несмертельным” стали звать Голована в первый год, когда он поселился <...> над Орликом <...> Поводом к тому послужило следующее вполне достоверное обстоятельство [имеется в виду то, что жители деревни умирали из-за неизвестной болезни, которую звали «пупырух»] <...> Кто заболел, тот «борзо»¹⁹³ и помер, *кроме одного*. <...> “Пупырухов” Голован не вылечивал, <...> но зато <...> он безбоязненно входил в зачумленные лачуги и поил зараженных не только свежей водою, но и снятым молоком, которое у него оставалось из-под клубных сливок. <...> С этих пор доселе малоизвестного Голована широко узнали во всех слободах, и началось к нему большое народное тяготение. Имя его, прежде знакомое прислуге дворянских домов, стали произносить с уважением в народе; <...> А самому бесстрашию Голована не умедлили подыскать сверхъестественное объяснение: Голован, очевидно, что-то знал, и в силу такого знахарства он был “несмертельный” <...> Язва Голована не касалась. Во все время, пока она свирепствовала в слободах, ни сам он, ни его “ермоловская” корова с бычком ничем не заболели; но этого мало: самое важное было то, что он обманул и извел, или, держась местного говора, “изништожил” саму язву, и сделал то, не пожалев теплой крови своей за народушко»¹⁹⁴.

«Все это, как я выше уже сказал, обнаружил Панька, а общий разум мирской это выяснил <...> В одно из таких ранних своих занятий [имеется в

¹⁹² Там же, с. 359.

¹⁹³ Т.е. быстро.

¹⁹⁴ Лесков Н. С. Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 6. С. 364-366.

виду исполнение обязанностей пастуха] он [Панька] и подсмотрел все дело¹⁹⁵, которое вознесло Голована на верх величия народного...»¹⁹⁶.

«Головану, впрочем, столь не тягостно было от мистического облака, которым повивала его народная fama (молва), что он не употреблял, кажется, никаких усилий разрушить все, что о нем сложилось»¹⁹⁷.

«Голован <...> казался “сумнителен в вере”. Думали, что он был какой-нибудь раскольник...»¹⁹⁸.

«Даже жиду Юшке из гарнизона он давал для детей молока. Но нехристианская сторона этого последнего поступка по любви народа к Головану нашла себе кое-какое извинение: люди проникли, что Голован, задабривая Юшку, хотел добыть у него тщательно сохраняемые евреями “иудины губы”, которыми можно перед судом отолгаться, или “волосатый овощ”, который жидам жажду тушит, так что они могут вина не пить»¹⁹⁹.

«Это была загадка [имеется в виду, что Голован терпеливо выносил издевательства Фотея], которая продолжалась многие годы и установила такое мнение, что в Головане скрывается что-нибудь очень бедовое, потому что он Фотея боится»²⁰⁰.

В рамках драматургической теории Гофмана имеет значение только то взаимодействие, при котором индивиды физически находятся в одном пространстве и могут видеть друг друга. Приведенные цитаты демонстрируют нам, что слухи, распространяемые в деревне, были результатом нефокусированного взаимодействия. Это объясняется тем, что в рамках такого взаимодействия индивиды знают о присутствии друг друга в одном пространстве, передают впечатления о себе другим через невербальные

¹⁹⁵ Под «делом» подразумевается спасение Голованом всей деревни: стоя на берегу реки, он отрезал себе часть икры, чтобы избавиться от «пупыруха». Люди, не знающие об этом, решили, что Голован принес себя в жертву заболеванию.

¹⁹⁶ Лесков Н. С. Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 6. С. 367.

¹⁹⁷ Там же, с. 372.

¹⁹⁸ Там же, с. 373.

¹⁹⁹ Там же, с. 373.

²⁰⁰ Там же, с. 388.

формы коммуникации (жесты, внешний вид, позы, определенные действия), но не имеют цели передать определенное впечатление определенному адресату. В то время как в рамках сфокусированного взаимодействия индивиды наблюдают за тем, что каждый вовлеченный в коммуникацию говорит и делает, чтобы поддерживать совместно созданный ими «сценарий». Так, Голован лишь сталкивается с жителями деревни в рамках повседневной жизни и не имеет цели поддерживать определенный сценарий. Тем не менее, любая публичная деятельность осуществляется с учетом ее публичного характера, т.е. индивид, находясь в скоплении людей и принимая определенную позу или используя определенный жест, учитывает тот факт, что находится среди людей, и его действия будут интерпретированы. Часто присутствующие осознают не до конца, что воспринимают определенные коммуникативные сообщения, но «они все равно сразу почувствуют, что что-то не так, если предоставляемая информация будет необычной»²⁰¹. Очевидным примером модели несфокусированного взаимодействия является эпизод с Панькой, увидевшим, как Голован отрезает себе часть ноги. В данном случае Голован не знает, что за ним наблюдают, соответственно, он находится в «закулисье» - месте, где индивиды отдыхают от исполнения социальных ролей. Так как аудитории вокруг него нет, роль исполнять не требуется. Панька же, в свою очередь, исполняет роль пастуха, следящего за возможным вором из своего укрытия. Телесная информация (действия, предпринятые Голованом), переданная Паньке, оказалась ошибочной, что повлекло за собой мистификацию. Мистификация – это, по Гофману, один из компонентов представления себя, необходимых для формирования публичного образа²⁰².

²⁰¹ Гофман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ / Пер. с англ. А. М. Корбуга; под ред. М. М. Соколова. М., 2017. С. 95.

²⁰² Представление себя в публичных местах формируется на основе четырех компонентов: 1) front (фронт); dramatic realization (драматическое осознание); идеализация; мистификация. Подробное рассмотрение данных компонентов не является необходимым условием анализа, так как они практически не реализуются в прозе Н. С. Лескова. Подробнее о компонентах представления себя в публичных местах см. Батыгин Г. С. Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г. С. Батыгина. М., 2003. С. 33-35.

Ученый определяет мистификацию как фиктивное представление о роли или социальной ситуации, часто используемое с целью увеличить дистанцию между индивидом и аудиторией, чтобы казаться ей интереснее.

Рассмотренная нами ситуация является лишь одним звеном в репутации Голована. По Гофману, внешний вид тоже является формой коммуникации. Можно справедливо предположить, что первоначальное впечатление о Головане в обществе складывалось из следующих характеристик:

А) Внешность героя (несфокусированное взаимодействие);

Б) Его стремление помочь жителям деревни во время мора (короткие контакты, которые Гофман называет «столкновениями»);

Г) Обстоятельство, выясненное Панькой (несфокусированное взаимодействие).

Впечатления, полученные в рамках несфокусированного взаимодействия, сформировали определенную роль, которой Головану необходимо было следовать. Как известно, в дальнейшем герой не пытался опровергнуть славу, окружавшую его. Созданная на основе перечисленных характеристик роль Голована требовала от него определенных действий и убеждений: среди них отношение к религии и жизнь с Павлой. Действия Голована не соответствовали роли, которая отводилась ему в обществе. Ощущение «инакости» человека от его роли ощущается обществом в момент нарушения ситуационных приличий. Учитывая характер лесковских праведников²⁰³, можно предположить, что Голован не коррелирует свое поведение с «маской», используемой им, не стремится представить информацию о себе в рамках общепринятых социальных норм. Таким образом, создается мистификация и неверное представление о Головане.

Для дальнейшего анализа следует охарактеризовать общество, окружающее Голована. В связи с этим обратимся к труду М. Громыко «Мир

²⁰³ Имеется в виду, что лесковский праведник руководствуется высокими нравственными устоями, деятельной добротой и любовью к ближнему.

русской деревни»²⁰⁴, в котором подробно раскрываются нравственные ценности, характерные для деревенских жителей середины XIX века. Приведем их:

1. репутация индивида складывалась постепенно, исходя из мнения общины и старших в ней;
2. основой хорошей репутации было стремление помочь односельчанам (трудом или деньгами). Отказаться от приглашения помочь во многих уездах было невозможным, так как это порицалось социумом;
3. поощрялось милосердие, сочувствие и гостеприимство;
4. подача милостыни считалась богоугодным делом;
5. порицалась месть, лень, жестокость, невыполнение обещаний, недобросовестное отношение к труду, долги;
6. осуждались любые добрачные связи и супружеская неверность (в большей степени неверность жены);
7. человек, стремящийся помочь ближнему и идущий на героические поступки, имел очень высокую репутацию в обществе;
8. порицались драки на сходках и в любых общественных местах, однако оскорбления и вымывания считались правомерны в случае, если высмеивающий мог предоставить доказательства своей правоты;
9. порицалось пьянство, буйство, мелкие кражи у проезжих, зазорное поведение девушки;
10. трудолюбие считалось важнейшим качеством человека;
11. важнейшим элементом репутации человека служила вера. О принадлежности к ней и об исполнении заветов общество тщательно следило (по посещениям церкви, исполнению исповеди и причастия, соблюдению постов и обрядов, по степени

²⁰⁴ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

выполнения нравственных норм). «Для большинства крестьян вера служила основой самого их существования, способом жизни. Искренне верующий человек просто не мог плохо хозяйствовать на земле, которую считал созданием Божиим, или отказать в помощи нуждающемуся»²⁰⁵;

Исходя из приведенных нравственных норм русской деревни середины XIX века, можно охарактеризовать положение Голована в обществе. Проявив себя как трудолюбивого и стремящегося к помощи ближнему человека в начале рассказа, он выбрал определенную «маску», образ себя, соответствующий социальным нормам, благодаря чему получил хорошую репутацию. Как уже было указано, Голован, создав публичный образ себя, не стремился ему соответствовать, о чем свидетельствуют взаимоотношения с Павлой (порицание обществом любых связей вне брака) и взгляды на религиозную сторону жизни.

В этой связи следует рассмотреть отношения Голована с Фотеем. Их взаимодействие можно назвать сфокусированным, так как герои сотрудничают между собой с целью поддержать определенный фокус внимания. В их взаимодействии включены только они, аудитория же – жители деревни, перед которыми спектакль разворачивается – не может понимать знаки, созданные Фотеем и Голованом с целью поддержать успешное взаимодействие. Роль, которую Голован исполняет для Фотея и роль, которую Голован исполняет для жителей деревни различны, так как, по Гофману, индивид использует разные «маски» для разных кругов общения. Такая смена «масок» для аудитории, вероятно, не была понятной.

Как было указано выше, слухи – способ поддержания обществом определенного социального порядка, это процесс сравнения роли индивида с эталоном. Роль, созданная Голованом в начале, не коррелировалась с

²⁰⁵ Громыко М. М. Вера // Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991.

некоторыми его действиями, таким образом, аудитория в процессе сравнения была вынуждена объяснить это.

Так, несколько ролей, созданных Голованом, интерпретировались обществом на основе их обыденного сознания, благодаря корреляции «маски» героя и социальных норм. С первой по одиннадцатую главу восприятие публичного образа Голована демонстрируется Лесковым глазами жителей деревни, что отражается и на восприятии читателя. В последней, двенадцатой главе, Лесков меняет точку зрения на Голована, тем самым переворачивает публичный образ главного героя. Благодаря реинтерпретации одной из героинь – бабушкой рассказчика – открываются подробности, неизвестные жителям деревни и читателю соответственно. Именно последняя глава и смена точки зрения позволяет сделать вывод о Головане как о праведном типе личности. Раскрываются истинные установки действий Голована, что доказывает мысль о том, что его праведная сущность не может называться «маской». Гофман отмечал, что публичный образ, созданный индивидом, часто носит черты истинной личности, однако некоторые из них вынуждены оставаться в тени, так как не соответствуют предполагаемым выгодам, которые может получить индивид от общества в случае использования той или иной «маски».

Перейдем к анализу взаимоотношений Селивана и социума. В отличие от Несмертельного Голована, главный герой рассказа «Пугало» имеет отрицательную репутацию. В процесс восприятия индивида входит его внешность, манеры и даже одежда. Мы уже подробно анализировали внешность Селивана, в связи с этим не будем подробно останавливаться на этом. Отметим только, что первичное впечатление о нем было испорчено из-за родимого пятна на лице («Бог плута метит»), которое могло восприниматься как печать Антихриста. Селиван стремился создать определенный публичный образ себя, отличался трудолюбием в работе. В данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, в которой один из элементов социальной роли – внешность – не соответствует устоявшимся социальным нормам и создает

коммуникативные затруднения. Таким образом, в рамках несфокусированного взаимодействия у людей формировалось определенное впечатление о Селиване, несмотря на то что исполнение героем своей роли было успешным, так как калачник, у которого он служил, хвалил его, а проезжавший купец отдал в дар двор.

Следует обратить внимание и на культурный фон. Публичный образ индивида состоит из комплекса различных явлений и в том числе зависит от приемов, предусмотренных определенной культурой. Именно культурные ценности каждого социального сообщества определяют, как индивидам следует относиться к множеству окружающих их вещей, поступков, эмоций, явлений и проч. Прием получения аудиторией негативного культурного опыта ранее, несомненно, будет влиять на дальнейшую коммуникацию. Примером негативного культурного опыта можно назвать разновилье – местоположение двора, в котором поселился Селиван. В славянской мифологии перекресток – это роковое, нечистое место, принадлежащее демонам. Считается, что на перекрестке нечистый дух имеет власть над человеком²⁰⁶. Помимо этого, существовало поверье, что те, кто долгое время находился в лесу, становятся колдунами и знахарями (гл. герой – Селиван – живет в лесу продолжительное время, не контактируя с другими людьми), приобретают магические способности, постоянно поддерживают отношения с лешим. В некоторых народных поверьях считалось, что леший служит колдуну. Таким образом, культурные особенности жителей деревни создали помеху в коммуникации между народом и Селиваном. На основе культурного фона выстраивается социальная роль главного героя. Следует отметить, что полученная им роль складывалась постепенно и основывалась не только на мифологическом сознании социума. Известно, что сам индивид руководит созданием публичного образа себя, несмотря на помехи в коммуникации.

²⁰⁶ Славянская мифология: энциклопедический словарь / редколлегия: С. М. Толстая (отв. ред.), Т. А. Агапкина, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, В. Я. Петрухин; Ин-т славяноведения РАН. 2-е изд. М., 2002. 512 с.

Развиваясь со временем, социальная роль Селивана получает новые характеристики, в ней будто «наслаиваются» культурные представления социального сообщества: у героя «обнаруживается» способность к оборотничеству, страсть к изменениям погоды, стремление забрать жизни проезжающих путников и проч. Как и Голован, Селиван не предпринимает действий к изменению своей социальной роли, оставаясь «пугалом» на протяжении многих лет, так как она частично устраивает его (оберегание дочери палача от осуждения). Можно было бы предположить, что в моменты внезапной помощи другим²⁰⁷ герой непроизвольно выражает свое настоящее «Я». Такое предположение представляется нам неверным в связи с рассмотренным выше явлением о влиянии культурных ценностей на поведение индивида и его социальную роль. Последняя была выстроена и усилиями Селивана в том числе, однако базировалась в основном на мифологическом сознании народа. Так, в сценах помощи окружающим, герой не выражал свое настоящее «Я», но менял «маску», пытаясь преодолеть созданные ранее помехи в коммуникации. Смена «маски» оказалась успешной, вероятно, в связи с тем, что, ранее не соблюдавший социальные нормы с точки зрения жителей деревни, Селиван проявил себя как добрый и честный человек, а в дальнейшем поделился своей историей и получил репутацию того, кто оберегал ближнего (свою жену) и жертвовал собой ради нее. Помимо этого, в данном рассказе тоже следует отметить процесс реинтерпретации, который осуществляется с помощью рассказчика. Как уже было отмечено, впечатления, полученные аудиторией о Селиване, основывались на стереотипном мышлении жителей деревни и транслировались в том числе на читателя. Однако благодаря смене точки зрения в заключительной главе рассказа и раскрытию установок героя возникает возможность увидеть истинные мотивы действий Селивана. Так, интерпретированный как «пугало», герой приобретает черты праведной

²⁰⁷ Напр., спасение купца; помощь рассказчику во время ливня в лесу.

личности. Как уже было отмечено в рамках анализа рассказа «Несмертельный Голован», праведность не может быть «маской».

Таким образом, Несмертельный Голован и Селиван являются «жертвами» народного невежества не только из-за того, что деревенские жители обладали низким уровнем знаний о мире и склонности к мифологизации, но и из-за социальных ролей, выбранных героями самостоятельно.

Процесс мистификации Несмертельного Голована был связан с культурными особенностями социума и периодическим выходом Голованом за рамки собственной социальной роли. Публичный образ героя был создан не только благодаря усилиям Голована, но и его нежеланию рассеивать слухи. Используя определенную «маску» в общении с жителями деревни, Голован произвольно выражал свое внутреннее «Я» и нарушал социальные нормы, что создавало диссонанс у аудитории. Помимо этого, сцена с Панькой демонстрирует случайное столкновение индивидов в случае, если один находится в «закулисье», а другой продолжает исполнять роль. Процесс мистификации – неверного понимания «маски» – преследовал Голована до конца его жизни. Благодаря реинтерпретации роли героя в заключительной двенадцатой главе, становится ясно, что его праведная натура не может являться публичным образом себя, созданным с определенными намерениями для получения выгоды от общества. Этим же можно объяснить и нарушение Голованом ситуационных приличий в ходе взаимодействия с окружающими.

В основе отрицательной репутации Селивана лежали культурные ценности его социального сообщества. Это проявилось, прежде всего, в несоответствии его внешности определенным негласным нормам, что вызывало коммуникационные затруднения. Негативный культурный опыт способствовал развитию публичного образа Селивана, превратив его в «пугало». Разумеется, получение конкретной социальной роли в том числе зависит от самого индивида, однако, столкнувшись с определенными обстоятельствами, Селиван не стремился сменить «маску». Созданный ранее

публичный образ был разрушен в ходе его реинтерпретации рассказчиком, что позволило сделать вывод о герое как о праведной личности.

3.2.2. «Жертвы» власть имущих

В данной группе героев относится только Павлин из одноименного рассказа. Он отличается от Селивана и Несмертельного Голована, прежде всего, наличием «должности» – службы. Его основная социальная роль – лакей. Помимо этого, социальное сообщество, окружающее Павлина, существенно отличается от рассмотренного ранее, следовательно, будут отличаться и социальные нормы, поддерживаемые в нем.

Сюжет рассказа разворачивается в петербургском буржуазном доме, владелицей которого является Анна Львовна – дальняя родственница рассказчика. Ее характеристика представляется нам чрезвычайно важной, так как Павлин служит швейцаром именно ей. Так, его «маска» во время коммуникации с Анной Львовной является частью настоящего «Я» Павлина. Приведем ее описание:

«Анна Львовна была женщина очень расчетливая и, по правде сказать, весьма бессердечная <...>. В доме тетки все ее боялись и трепетали <...>. У тетки не было управляющего: она сама заведовала домом и была госпожою строжайшею и немилосерднейшею. У нее был порядок, что все жильцы должны были платить ей за квартиры за месяц вперед, и если кто не платил один день, тому сейчас же выставляли окна, а через два дня вышвыривали жильца вон. Льготы и снисхождения не оказывалось никому, и их никто из жильцов не пытался добиться, потому что все знали, что это было бы напрасно. Тетка правила мудро: она сама была для жильцов никогда не видима, и к ней никого из них не допускали ни под каким предлогом,— она только отдавала приказания, и немилостивые приказания эти приводились в исполнение. Говорили, что в исполнении этих приказаний никогда не допускалось ни малейшей поблажки, но тетка все-таки находила, что

исполнители ее воли действовали еще довольно слабо, и переменила многих из них, пока не нашла, наконец, одного, который вполне удовлетворял ее немилосердной строгости»²⁰⁸.

Из приведенного описания можно заключить, что порядок, устанавливаемый в доме, был заслугой Анны Львовны. Она, как хозяйка, искала достойного швейцара, способного исполнять ту социальную роль, которая ему предлагается. Таким лакеем и стал Павлин.

Взаимоотношения Павлина и Анны Львовны не описаны в тексте подробно, однако можно установить, что их коммуникация ограничивалась обсуждением вопросов службы. Так, мы обнаруживаем первую и основную «маску» Павлина – «маску» лакея. Такая социальная роль предполагала безоговорочное исполнение требований хозяйки, а именно безжалостный сбор платы за квартиру и, в случае сопротивления, вытаскивания окон из квартир. Данный публичный образ Павлина трактовался аудиторией корректно, таким образом, мистификация, присущая коммуникации Селивана и Голована с обществом, отсутствовала.

Наиболее интересным представляются взаимоотношения аудитории – жильцов дома и актера – Павлина. Приведем эпизоды из текста:

- «С последним ударом десятого часа он ставил к колонне булаву, сменял треугольную шляпу <...> и в этой полуформе выходил через ворота на двор; мимоходом он молча ударял рукою в дворницкую дверь, и когда оттуда на этот знак тотчас же выскакивали два рослые парня <...>. Дворники, вооруженные топором и клещами, следовали за ним молча и в почтительном отдалении. Павлин направлял свои стопы туда, куда указывала ему раскрытая перед ним на руке квартирная книга. <...> Шествие это выражает, Павлин идет собирать ежемесячную плату с бедных жильцов дробных квартир...»;

²⁰⁸ Лесков Н. С. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 216.

- «Павлин, выйдя из одной квартиры <...> только кивнул головою, и сейчас же в одном из окон этой квартиры появляются две головы Павлиновых спутников; топор и клещи работают с неописанною быстротою и ловкостью, оконная рама исчезает...»;
- «Если неисправный жилец приносил деньги, Павлин молча брал их, отмечал в книге и дергал звонок, на который являлись дворники и, вынеся из чулана молча указанную им раму, отправлялись ее вставить»;
- «Из всех окон длинных флигелей внутреннего двора, занимаемых бедными жильцами, на Павлина устремлялись то злые, то презрительные, а чаще всего тревожные взоры; нередко вслед ему слышались бранные слова и ядовитые насмешки, еще чаще проклятия и слезные вопли».

По Гофману, индивид разыгрывает свою роль в действии. Представление себя в публичных местах формируется на основе такого компонента, как front (фронт) – физическое окружение и определенные сценические декорации (stage props), подготавливающие аудиторию к восприятию роли индивида (внешний вид, манеры). В представлении сборы платы за квартиру можно обозначить передний план взаимодействия – фронт – физическое окружение Павлина двумя дворниками и определенные декорации (клещи, книга), подготавливающие аудиторию к последующим действиям в спектакле. По фронту аудитория понимает, что будет происходить. Начинается представление, исход которого известен всем участвующим в нем актерам. Павлин начинает свой обычный обход, который сопровождается воплями со стороны людей. Они, как аудитория, тоже исполняют определенную социальную роль – роль «бедных жильцов». Обход представляет собой «столкновения» – краткие сфокусированные взаимодействия с социумом. Когда представление подходит к концу, Павлин возвращается к себе и занимается другими делами, входящими в его обязанности. В первой части рассказа мы сталкиваемся лишь с публичным образом швейцара, как уже указывалось ранее, личность Павлина нам остается

неизвестной. Более того, по Гоффману, истинная личность индивида не может быть известна наверняка из-за большого количества «масок», снимаемых индивидом лишь в «закулисье». Таким «закулисьем» для Павлина была его комната – отделенное от всех пространство, «клетка», обустройство которой не было видно даже из окна. Помимо обязанностей лакея, в данную социальную роль входит и эмоциональный компонент – ненависть всех окружающих. Публичный образ себя, созданный Павлином, предусматривал это. Люди воспринимали его поведение как поведение, присущее настоящей личности Павлина, так как «всякое событие, которое ассоциируется с индивидом, интерпретируется как выражение его личностных характеристик»²⁰⁹.

Для двух социальных сообществ герой выглядел по-разному: для Анны Львовны он был положителен, но для жильцов, наоборот, отрицателен. Таким образом, нельзя утверждать, что Павлин был воспринят окружающими неверно.

Следует обратить внимание на сплетни, которые окружали Павлина:

«Комната постоянно была заперта, и ключ от ее маленькой двери всегда был у Павлина в кармане. Досужих людей, которые под тем или другим предлогом пытались проникнуть в покой Павлина, он не допускал до этого самым решительным и бесцеремонным образом <...>. Что так тщательно хранил Павлин в своей вечно запертой комнате,— этого никто не мог отгадать, а так как нельзя же было оставить этого без объяснения, то учредившийся в доме наблюдательный комитет за Павлином открыл, что он тоже чрезвычайно бережлив, умерен в пище и не пьет ничего, кроме воды и молока,— поэтому комитет объявил, что Павлин «молокан». Это всем очень понравилось и удовлетворило общественную пытливость насчет личности Павлина настолько, что все почили в спокойной уверенности, что Павлин *гордец по религии* [курсив Лескова]. <...>

²⁰⁹ Гоффман Э. Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ / Пер. с англ. А. М. Корбута; под ред. М. М. Соколова. Москва: Элементарные формы, 2017. С. 15.

Прошлое его было мало известно: были слухи, что он из крепостных людей, служил камердинером у какого-то важного лица и лет пять тому назад откупился на волю, взнеся своему господину чуть ли не тысячу рублей серебром за одну свою гордую и суровую душу; но этим слухам не совсем доверяли. Гораздо охотнее верили чьей-то выдумке, что Павлин ограбил почту, убил шесть почтальонов и потом добыл себе фальшивую бумагу, с которою и живет в швейцарах, храня в своей запертой камерке несметные сокровища ограбленной почты. Впрочем, и это, разумеется, рассказывали только стороною»²¹⁰.

Обсуждение Павлина, на наш взгляд, связано с его поведением по отношению к жильцам. По Гофману, сплетни – один из способов структурирования пространства, способ поддержания социальных норм. Индивид, отклоняющийся от них в своей социальной роли, обсуждается социальным сообществом. Попытка понимания «ситуации другого» – в данном случае Павлина – выражается в повышенном интересе к его комнате, его религиозным взглядам и семье. В этой связи следует отметить отсутствие в тексте информации о толках вокруг Анны Львовны. Вероятно, это связано с тем, что она практически не взаимодействует с жильцами, и ее публичный образ себя частично скрыт. Помимо этого, она является второстепенным действующим лицом, что ограничивает ее роль в тексте.

Дальнейшие взаимоотношения Павлина с обществом мало раскрыты. Следует остановиться на коммуникации тетки Ольги и Павлина, а также Любы и Павлина, так как они представляют собой ситуации смены социальной роли героя.

Помимо публичного образа, созданным Павлином, Ольга увидела в нем и другие черты характера. Они сигнализируют о том, что герой непроизвольно раскрыл свое настоящее «Я» в ходе коммуникации с ней. В рамках их взаимодействия роль швейцара Павлином не сменяется, однако

²¹⁰ Лесков Н. С. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 218-219.

со сменой социального сообщества улавливаются и изменения в «маске»: это, прежде всего, помощь Ольге и ее семье в уходе за оставленным жильем. Изменения в поведении можно объяснить тем, что оба участника коммуникации заметили произвольное самовыражение Павлина и предприняли ряд действий, направленных на корректировку публичного образа себя. С другой стороны, Ольга должна была принять роль «обиженного жильца», но она не была ей близка (по Гофману любая социальная роль является частью личности индивида), что и привело к другой схеме коммуникации. К тому же тетка была новым участником социального сообщества (жильцов дома) и не знала правил поведения.

Публичный образ лакея, созданный Павлином, видела и Люба, несмотря на то что для нее «маска» Павлина определенно была другой. Однако и социальную роль швейцара она видела с другой стороны, в отличие от жильцов дома:

«Люба, несомненно, страдала оттого, что я видел ее с лакеем, но не в том положении, в каком лакей мог бы быть приятен для человеческой суетности. Павлин не показывал ни малейшего вида, что он это замечает, но я был уверен, что он все это видел и понимал; однако же он, по-видимому, не смущался, но делал свое дело, как всегда, точно и аккуратно, то есть в данном случае он одел Любу и opravил все на нее надетое не более как со вниманием служителя; а Любе, казалось, и это не нравилось: она, что называется, пижонилась — сторонилась от него, как голубенок от соседящегося к нему грача»²¹¹.

Так, для Любы социальная роль лакея не ассоциировалась с вынутыми из окон рамами. Представление, разыгрываемое перед жильцами Павлином, разыгрывалось перед ней лишь один раз в раннем детстве. Культурный фон, способствующий восприятию той или иной социальной роли, отличался: она стеснялась быть удочеренной швейцаром по причине

²¹¹ Там же, с. 240.

разного социального положения. Следует отметить, что жильцы дома не воспринимали Павлина как прислугу, в отличие от Любы.

Как уже отмечалось, по Гофману публичный образ себя часто имеет черты истинной личности индивида. В рамках рассказа «Павлин» мы тоже сталкиваемся с этим: социальная роль швейцара, так порицаемая обществом, исполнялась героем по причине верности долгу. Должность героя воспринималась им не как способ зарабатывания денег, но как исполнение того, что он обязан исполнить. Верность, нашедшая свое отражение в исполнении жестоких обязанностей, проявилась и в другом публичном образе героя – в рамках взаимодействия с Любой. Как и в рассказах «Пугало» и «Несмертельный Голован», герой получает реинтерпретацию, что позволяет воспринимать его иначе. В случае с Павлином реинтерпретатором является сам читатель, так как обстоятельств, раскрывающих истинные установки героя, Лесков не приводит²¹². С ходом развития сюжета читатель получает возможность стать частью аудитории, для которой исполняется социальная роль Павлина: он является единственным зрителем, отслеживающим смены «масок» героя на протяжении всего произведения и, таким образом, становится реинтерпретатором. Как уже упоминалось, аудитория, воспринимая публичный образ индивида, сравнивает его с социальными нормами, принятыми в данном социальном сообществе. Интерпретируя социальную роль индивида, аудитория составляет о нем впечатление. Сознание жильцов дома интерпретировало Павлина в соответствии с его службой, в связи с этим уже упомянутая нами верность долгу осталась в тени и не была замечена окружающими (за исключением Ольги).

Перемены в жизни героя повлекли за собой и смену в публичном образе себя. Лесковым не описывается качество исполнения лакейских

²¹² Имеется в виду, что в «Павлине» Лесков не использует прием, характерный для рассказов «Несмертельный Голован» и «Пугало». В данных произведениях заключительная глава раскрывала истинные установки действий героев с помощью рассказчика или другого действующего лица, однако в рассказе «Павлин» такой главы нет.

обязанностей после появления Любы в жизни Павлина, однако, на наш взгляд, это перестает быть необходимым. Верность, являющаяся частью публичного образа швейцара, получила свое отражение во взаимоотношениях с Любой. Появление же героини, как упоминалось ранее, стало катализатором для перерождения Павлина. Он отказывается от роли лакея и берет на себя другую роль – роль опекуна Любы. Так, изменив «маску», Павлин изменил и себя, открыв в себе праведные черты личности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что сложившиеся взаимоотношения Павлина и социума были результатом тщательного выполнения Павлином той социальной роли, которую он получил от хозяйки. Его публичный образ себя выстаивался не столько из-за его личных особенностей, сколько из-за условий службы. Спектакль, разыгрываемый героем, являлся частью его социальной роли. Слухи, распространяемые вокруг него, были попыткой людей поддерживать социальные нормы, принятые в данном сообществе. Вероятно, вытаскивание рам из окон не было социально поощряемым поведением. Восприятие «маски» швейцара, созданной Павлином, будет меняться в зависимости от зрителей: для жильцов дома – целевой аудитории – она становится резко негативной, однако для Ольги, обратившей внимание на верность долгу, она получает другой смысл. Взаимоотношения с Ольгой и Любой отличаются от взаимоотношений с жильцами, так как Павлин в одном случае корректирует, в другом меняет свою «маску». Такая перемена «маски» влечет за собой и глубокую перемену в самом Павлине.

3.2.3. «Жертвы» щедрой души

Таким героем по праву можно назвать Овцебыка. Ему нет нужды выполнять социальную роль служащего, над ним нет власть имущих. Овцебык – борец с социальной несправедливостью, имеющий в себе донкихотское

начало, которое, с одной стороны, возвышает его над другими людьми и, с другой, – обрекает на конфликт с действительностью.

Отношения Овцебыка с социумом весьма специфичны. Праведники, с которыми мы столкнулись ранее, были явно не поняты людьми, но в то же время обсуждаемы. Овцебык тоже не был понят окружающими, однако сплетни и слухи не сопровождали его социальную жизнь. «Чудачества Василия Петровича приучили весь небольшой кружок его знакомых не удивляться ни одной его выходке...»²¹³ – пишет Лесков. Обсуждения Овцебыка в «закулисье» не раскрывают отношений социума к нему, так как отсутствует факт «перемывания костей»²¹⁴. Например, в диалоге между рассказчиком, Настасье Петровной и Свиридовым герои лишь пересказывают хронологию событий, но не выражают свое отношение к Овцебыку:

«— Чем же вы его так разогорчили? — спросил я Настасью Петровну.
— А уж бог его знает: я его ничем не огорчала»²¹⁵.

Так, Василий Петрович не является предметом обсуждения, но и незаметным назвать его нельзя. Лесков описывает его отношения с окружающими как сдержанные, не имеющие ярких характеристик. Однако все же можно обнаружить едва заметное выражение отношения к герою: использование прилагательного «блажной» по отношению к нему. В словаре В. И. Даля обнаруживаем следующее толкование данного слова: «блажной, блажный, полоумный, шальной, взбалмошный; глупый, бестолковый, сбреховатый, вспылчивый, горячий, крикливый, суетливый; беспокойный, неугомонный, своенравный, шаловливый. *С блажным не сговоришь. С жиру ино и неблажной блажить. Смирное дитя одну руку, блажное обе, отымает*»²¹⁶. Так, социум считает Овцебыка сумасшедшим. Другим выражением отношения могут служить слова самого героя: «...“Недаром вы каким-то звериным именем называли. Никто меня не признает своим, и я сам

²¹³ Лесков Н. С. Овцебык // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 1. С. 46.

²¹⁴ Терминология И. Гофмана.

²¹⁵ Лесков Н. С. Овцебык // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 1. С. 86.

²¹⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М., 1989.

ни в ком своего не признал” ...»²¹⁷. Помимо этого, Овцебык получил «звериное» прозвище от людей, что тоже описывает их реакцию на него.

Обратимся к восприятию обществом Овцебыка как сумасшедшего. По Гофману, находясь в присутствии других людей, индивид руководствуется набором негласных правил коммуникации, которые зовутся социальными приличиями. Индивид считается обществом ненормальным в случае многократного нарушения ситуационных приличий. Ситуационные требования носят моральный характер: ожидается, что индивид будет им следовать, и если происходит обратное, социум вынужден дать публичную оценку. Единичное же нарушение ситуационных приличий не позволяет назвать человека сумасшедшим, если невозможно трактовать его действия по-другому. Так, многократное нарушение правил, не позволяющее трактовать действия индивида с другой стороны, считается сумасшествием.

Вернемся к Овцебыку. Известно, что он многократно нарушает ситуационные приличия. В пример можно привести эпизод из начала рассказа, где герой приходит домой к Челновскому без приглашения и остается там до прибытия хозяина. Другим примером может служить выдержка из описания Овцебыка в рассказе:

«Дома ли вы или нет, Василию Петровичу это было все равно: он располагался у вас по-домашнему, брал, что ему нужно, всегда в возможно малом количестве, и иногда при встрече говорил, что он взял у вас табаку, или чаю, или сапоги, а чаще случалось, что и ничего не говорил о таких мелочах»²¹⁸.

Так, в самом начале произведения становится ясно, что Овцебык не соблюдает правил приличия и в рамках любой социальной ситуации ведет себя не так, как от него ожидают. В связи с этим за ним устоялось характеристика «блажного» и, вероятно, по этой же причине никто «не признал его своим».

²¹⁷ Лесков Н. С. Овцебык // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 1. С. 86.

²¹⁸ Там же, с. 33.

Причина его «звериного» прозвища кроется в его внешности, что было объяснено самим Лесковым. Как уже упоминалось, в публичный образ себя входит и внешний облик, в связи с этим нам представляется не целесообразным останавливаться на этом подробно. Помимо этого, нами подробно был раскрыт элемент зооморфности героя ранее.

Так, социальная роль Василия Петровича – роль сумасшедшего, многократно нарушающего социальные приличия. Он определенно отделен от социума и не является его частью, о чем говорит его прозвище (Овцебык не человек) и слова самого героя о себе.

На данном этапе вновь следует обратиться к драматургической теории Гофмана. Ученый полагает, что любая социальная роль создается и контролируется индивидом осознанно, так как является способом достижения определенных социальных целей. Анализируя рассказы «Павлин» и «Пугало», мы нашли подтверждение данному положению. Однако в случае с Несмертельным Голованом и Овцебыком невозможно утверждать, были ли их социальные роли осознанно выстроены для получения определенных результатов от общества. При рассмотрении социальных взаимоотношений в рассказе «Несмертельный Голован» мы пришли к выводу, что, создав определенную социальную роль, герой не стремился ей соответствовать, что порождало ошибки в соблюдении социальных норм и, как следствие, слухи и сплетни (исключение составляют эпизоды с Фотеем). Социальной ролью Василия Петровича является роль сумасшедшего, однако установки на создание таковой плохо поддаются анализу.

Следует обратить внимание на то, что «маска» Овцебыка не меняется вне зависимости от того, с каким социальным сообществом он сталкивается. В рассказе Лесков описывает социальное взаимодействие Василия Петровича с разными типами людей и сборищ, однако сам Овцебык не меняет своего поведения, в отличие от Селивана, Павлина и Голована. Это наблюдение позволяет предположить, что социальная роль Овцебыка неслучайна: она выстроена с целью найти людей особого типа, о чем свидетельствуют слова

Челновского в начале произведения («...все людей евангельских ищет»²¹⁹) и сравнение Богословского с Диогеном. Однако именно это условие не позволяет отнести Овцебыка к ряду героев-праведников Лескова.

Таким образом, коммуникация главного героя и социума в рассказе Лескова «Овцебык» имеет необычный характер. В основе социальной роли Богословского лежит его внешняя схожесть со зверем, о чем говорит его прозвище. Так герой уже перестает быть частью любого социального сообщества. Необычные действия, предпринимаемые героем, не соответствуют негласным ситуационным приличиям, шире – социальным нормам. В связи с этим за ним устанавливается характеристика «блажной», что усиливает дистанцию между Овцебыком и окружающими. Прямой процесс коммуникации между героем и социумом почти не описывается Лесковым: столкновения Овцебыка с обществом кратковременны и мало информативны, вероятно, в связи с низкой заинтересованностью социума в поддержании контакта с Богословским. Это объясняется полученной им «маской» сумасшедшего. Ситуационные нормы, таким образом, сдвигаются, и Богословский получает возможность нарушать их без публичной оценки. Сформированная и поддерживаемая Василием Петровичем социальная роль является проявлением стремления найти «евангельских людей». Прием реинтерпретации не используется Лесковым, в связи с этим сделать вывод об истинных установках Богословского не представляется возможным. Этим может объясняться невозможность отнести его к праведному типу личности.

ВЫВОДЫ

Попытка проанализировать взаимоотношения лесковских праведников и социума, используя теорию И. Гофмана, была успешной. Мы предполагали, что схема построения социальных связей между праведником и обществом будет одинакова для каждого праведника, что оказалось неверно. Каждый из проанализированных героев руководствовался собственными установками

²¹⁹ Там же, с. 38.

для формирования социальных взаимоотношений. Чтобы анализ был системным, мы разделили героев на три группы: а) «жертвы» народного невежества (Несмертельный Голован, Селиван); б) «жертвы» власть имущих (Павлин); в) «жертвы» щедрой души (Овцебык). Даже в рамках одной группы – «жертв» народного невежества – герои-праведники имели разные социальные роли и разные установки для их создания и контроля.

Несмертельный Голован создал «маску» героя народа, следуя социальным нормам, однако выходил за ее рамки за счет нарушения ситуационных приличий. Тем не менее ранее созданное впечатление о Головане, полученное случайно из-за столкновения индивидов в «закулистье», было достаточно сильным. Социум обсуждал Голована, пытаясь контролировать созданный ими социальные устои, и тем самым находил объяснения его нарушениям. В связи с этим за праведником не закрепились «маска» блаженного. Раскрытие истинных установок поведения героя в последней главе произведения позволяет сменить угол зрения на социальную роль Несмертельного Голована и сделать вывод о том, что нравственно-этические установки праведника не могут быть «маской». На социальную роль Селивана влияла, в первую очередь, его внешность. Впоследствии он воспользовался ею и усилил впечатление о самом себе как о «пугале». Публичный образ Селивана стал для него защитой. В конце произведения Лесков применяет тот же композиционный прием, что и в рассказе «Несмертельный Голован»: благодаря рассказчику появляется возможность реинтерпретировать социальную роль героя, что позволяет раскрыть праведные черты личности Селивана. Павлин получил отрицательную репутацию в связи с социальной ролью швейцара, которую ему необходимо было выполнять для того, чтобы оставаться на службе. Однако со сменой социальной роли с лакея на опекуна он перерождается сам, приобретая новые нравственно-этические установки, позволяющие отнести его к праведному типу личности. Овцебык стремился найти определенный тип людей и выбрал

публичный образ сумасшедшего, что, в свою очередь, помешало ему добиться своих целей.

Установки Овцебыка и Несмертельного Голована тяжелее всего поддаются анализу. Это объясняется необходимостью модификации теории И. Гофмана. Ученый исходит из того, что индивид самостоятельно выбирает социальную роль и в дальнейшем контролирует ее. В ходе анализа выбранных текстов мы столкнулись с тем, что позиции вступающего во взаимодействие и позиция воспринимающего различны. Стереотипное мышление приписывает индивиду черты с целью понять «ситуацию другого» и структурировать представление о мире, что продиктовано драматической стратегией. Оценка обществом индивида происходит по разным ролям. Теория И. Гофмана помогает понять, что праведнические черты личности не поддаются народной интерпретации, тем самым трактуются как «инаковость». Реинтерпретация, используемая Лесковым как композиционный прием, позволяет сменить угол зрения на социальную роль героев. Благодаря этому становится ясно, что стереотипное сознание (имеются в виду жители деревни и жильцы дома) интерпретирует публичный образ героев в соответствии с социальными нормами сообщества, однако проявление героем праведнических черт не может являться «маской».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Н. С. Лесков был крайне озабочен происходящими в обществе изменениями, в связи с этим предпринял попытку создать идеального праведного героя. Историко-культурный анализ слова «праведник» показал, что в середине XIX века таковым являлся человек, живущий по закону Божию. Словари не закрепляли за значением данного слова никаких личностных характеристик. Лесковская же концепция праведничества включает в себя, помимо всего прочего, активное участие героя в социально-бытовой жизни, страсть к самопожертвованию, доброта, деятельная любовь к ближнему. Праведный тип личности, по Лескову, свободен от рефлексии и неспособен думать о себе, тем самым полностью растворяясь в заботах окружающих его людей.

Мы рассматривали феномен праведничества на основе четырех произведений писателя: «Овцебык» (1863), «Павлин» (1875), «Несмертельный Голован» (1880), «Пугало» (1885). В работе были предложены критерии, которые позволяют расширить список праведников Лескова: внешность, действия героя, религиозные взгляды, отношение к окружающим. Так, список лесковских праведников не ограничивается циклом «Праведники»: Павлина и Селивана можно отнести к праведным героям. Овцебык, в свою очередь, имеет праведные черты личности, но праведником называться не может. Помимо этого, в наши задачи входило проследить эволюцию праведного героя в выбранной прозе Лескова. Так, Павлин, Селиван и Несмертельный Голован отказываются от стремлений изменить сложившийся социальный порядок, подчиняются ему, однако сохраняют высокие нравственные установки и продолжают помогать другим, несмотря на окружающую их социальную несправедливость.

Теория социальной драматургии И. Гофмана помогает выявить специфику взаимоотношений лесковского праведника и социума. Непонимание героев окружающим миром вызвано тем, что стереотипное мышление стремилось структурировать окружающий мир. Главным героям-

праведникам часто приписывались социальные роли, которыми они не обладали. Благодаря приему реинтерпретации, использованному Лесковым, появляется возможность сменить угол зрения на «маски» героев. Так, праведничество не может быть выбранной и контролируемой социальной ролью.

В ходе исследования были успешно выполнены все поставленные задачи: выявлены предпосылки становления концепции праведничества в творчестве Н. С. Лескова; дано определение понятию «праведник» в соответствии с социокультурным контекстом (середина XIX века); выявлена специфика праведного героя в творчестве Н. С. Лескова; доказана принадлежность героев из выбранной прозы Н. С. Лескова к праведному типу личности; прослежена эволюция праведного типа героя в прозе Н. С. Лескова; рассмотрены основные положения драматургического подхода И. Гофмана; проанализированы эпизоды выбранной прозы Н. С. Лескова в соответствии с драматургическим подходом И. Гофмана. Таким образом, поставленную цель можно считать достигнутой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. *Лесков Н. С.* Несмертельный Голован // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 6. С. 351–392.
2. *Лесков Н. С.* О героях и праведниках // Церковно-общественный вестник. 1881. № 129. С. 3–10.
3. *Лесков Н. С.* Овцебык // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 1. С. 31–95.
4. *Лесков Н. С.* Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 212–278.
5. *Лесков Н. С.* Пугало // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 8. С. 5–54.
6. *Лесков Н. С.* Собрание сочинений в 11 т. М., 1958. Т. 11: Автобиографические заметки: статьи, воспоминания. Письма. – 835 с.
7. *Макаров Н. П.* «Мои семидесятилетние воспоминания...», ч. I, СПб., 1881, стр. 46

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Андреева В. Г.* Образ праведника Костромской земли в рассказе Н. С. Лескова «Однодум» // Костромская земля в жизни великой России: материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвященной 70-й годовщине образования Костромской области. Кострома, 2014. С. 110–112.
2. *Андрейченко А. А., Присяжная А. Д., Фонтанецкая Е. Г.* Исследование индивидуально-психологических детерминант самопрезентации личности // Вопросы науки и образования. 2018. №16 (28).
3. *Ануфриева О. И.* Концепт «Праведность»: структура и средства выражения // Известия ВГПУ. 2009. №7. С. 16–21.

4. *Батыгин Г. С.* Континуум фреймов: драматургический реализм Ирвинга Гофмана // Социологический журнал. 2001. № 3.
5. *Батыгин Г. С.* Континуум фреймов: социологическая теория Ирвинга Гофмана // Гофман И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой; вступ. статья Г. С. Батыгина. М., 2003.
6. *Батюто А. И.* Комментарии: Н. С. Лесков. Пугало // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 8. С. 567–569.
7. *Битянова М. Р.* Социальная психология: наука, практика и образ мыслей: учеб. пособие. М., 2001. 576 с.
8. *Бухштаб Б. Я.* Сказы о народных праведниках // Вершины: Книга о выдающихся произведениях русской литературы. М., 1983. С. 5–20.
9. В мире Лескова. Сборник статей. М., 1983. 368 с.
10. *Вахштайн В. С.* Драматургическая теория Ирвинга Гофмана: два прочтения // Социологическое обозрение. 2003. №4. С. 104–118.
11. *Вахштайн В. С.* Интеракционистские и структуралистские интерпретации наследия Ирвинга Гофмана: Erving Goffman: Vol. 1-4 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. London: Sage publications, 2000. // Социологический журнал. 2003. № 3. С. С. 152–162.
12. *Вахштайн В. С.* Фреймы классичности. Ирвинг Гофман как "неудобный классик" социологии // ЖССА. 2011. С. 59–85.
13. *Видуэцкая И. П.* Николай Семенович Лесков. М., 1979. 64 с.
14. *Видуэцкая И. П.* Творчество Лескова в контексте русской литературы XIX века // Русская литература. 1981. №2. С.148–188.
15. *Власова А. В.* Образ праведника в контексте произведений Н. С. Лескова (на примере некоторых рассказов) // Вестник УлГТУ. 2006. №1 (33). С. 14–16.
16. *Власова О. А.* Социология человека Ирвинга Гофмана: личность как сопротивление социальному в теориях стигматизации и тотальных институций // Социологический журнал. 2011. №4. С. 5–20.

17. *Горелов А. А.* «Праведники» как категория народной этической оценки и «праведнический» цикл произведений // Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. Л., 1988. С.
18. *Гофман И.* Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта: пер. англ. / Под ред. Г.С. Батыгина и Л.А. Козловой. М., 2003. 752 с.
19. *Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А. Д. Ковалева. М., 2000. 304 с.
20. *Гоффман Э.* Поведение в публичных местах: заметки о социальной организации сборищ / Пер. с англ. А. М. Корбута; под ред. М. М. Соколова. М., 2017. 381 с.
21. *Громыко М. М.* Совесть // М. М. Громыко. Мир русской деревни. М., 1991. С. 40-92.
22. *Данилова Н. Ю.* Праведничество как «внутреннее христианство» в произведениях Н. С. Лескова // Acta Eruditorum. Вып. 22. 2017. С. 58–65.
23. *Долинина И. В.* Художественный концепт праведный в цикле Н.С. Лескова «Праведники» // Вестник гуманитарного факультета ИГХТУ. 2008. Вып. 3. С. 243–250.
24. *Домановский Л. В.* Комментарии: Н. С. Лесков. Павлин // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 5. С. 598–604.
25. *Душечкина Е. В.* Николаевский указ 1827 г. в видении Н. С. Лескова (рассказ «Овцебык») // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2017. №2. С. 179–185.
26. *Ерофеева М. А.* Фрейм-аналитическая модель коммуникации: возможности и ограничения // Социология власти. 2012. №8. С. 36–50.
27. *Есаулов И. А.* Категория соборности в русской литературе (к постановке проблемы) // Евангельский текст в русской литературе XVIII-XX веков: цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр. Петрозаводск, 1994. С.32–60.
28. *Ильин В. И.* Драматургия повседневности // Телескоп. 2003. №2. С. 1–10.

29. *Ильинская Т. Б.* Молоканство в творчестве Н. С. Лескова // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2010. №2. С. 31–40.
30. *Каишкарева А. П.* Категория праведничества в системе женских образов Н. С. Лескова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. №3. С. 46–50.
31. *Каишкарева А. П.* Тип героя-праведника в творчестве Н. С. Лескова (на примере рассказа «Несмертельный Голован») // Актуальные проблемы филологии: материалы II Междунар. науч. конф. Краснодар, 2016. С. 11–13.
32. *Косых Г. А.* К вопросу номинации «очарованного странника» в творчестве Н. С. Лескова 70-х гг. // Opera Slavica. 2016, vol. 26, iss. 3, pp. 5–13.
33. *Косых Г. А.* Праведность и праведники в творчестве Н. С. Лескова 1870-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1999. 224 с.
34. *Котельников В. А.* Праведность и греховность // Канун (Альманах). Полярность в культуре. Вып. 2. 1996. С. 20–54.
35. *Кучерская М. А.* Лесков: Прозванный гений. М.: Молодая гвардия, 2021. 622 с.
36. *Лазарева Т. С.* Религиозно-нравственные искания в творчестве Николая Лескова // Вестник Дальневосточной государственной научной библиотеки. 2017. № 4(77). С. 34-52.
37. *Лихачев Д. С.* Слово о Лескове // Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн.1. Литературное наследство. Т. 101. М., 1997. С. 9–18.
38. *Лукьянчикова Н. В.* Художественное воплощение этического идеала в произведениях Н. С. Лескова о духовенстве // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль, 2012. С. 185–196.
39. *Майорова О. М.* Рассказ Н. С. Лескова «Несмертельный Голован» и житийные традиции // Русская литература. 1987. №3. С.170–179.
40. *Медведева А.* Основные концепции в работах Ирвинга Гоффмана // Вестник БГУ. 2017. №1 (39). С. 127–130.

41. *Мелентьева И. Е.* Праведник Лескова: от протопопа Аввакума до святителя Николая Мирликийского // Литература Древней Руси: коллективная монография: к 100-летию со дня рождения проф. Н.И. Прокофьева. М.: Прометей–МПГУ, 2011. С. 169–180.
42. *Михеева И. Н.* Поэтика изображения двух миров в феноменальном и ноуменальном пространстве цикла Н. С. Лескова «Праведники» // Вестник ЧГУ. 2008. №3. С. 234–240.
43. *Петрова Л. М.* Духовное странничество в системе ценностных координат Лескова (рассказ «Павлин») // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. №3. С. 169–173.
44. *Поздина И. В.* Жанровая специфика прозы Н. С. Лескова 1860-х годов. Челябинск, 2011. 198 с.
45. *Румянцев А. Б.* Н. С. Лесков и русская православная церковь // Русская литература. 1995. №1. С.212–217.
46. *Селезнева С. Н.* Динамика «Сакрального» и «Мирского» в истории слова праведник // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2010. №1. С. 165–172.
47. *Старыгина Н. Н.* Милосердие и милостыня: заветы русской классической литературы // Инновационные технологии управления и права. 2018. №3 (23). С. 22–26.
48. *Старыгина Н. Н.* Структура и поэтика сказовой ситуации в цикле «Праведники» Н. С. Лескова // Вестник ВятГУ. 2012. №2. С. 93–97.
49. *Старыгина Н. Н.* Структурно-семантическая организация образа и формирование мотивного комплекса в рассказе «Пугало» Н. С. Лескова // Вестник Марийского государственного университета. 2018. Т.12, №1 (29). С. 155–163.
50. *Столярова И. В.* «У нас на Руси...» // Н. С. Лесков. Избранное. В 2-х томах. Т. 1. Л., 1977. С. 3–20.
51. *Столярова И. В.* Н. С. Лесков // История русской литературы: В 4 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Т. 3. Расцвет реализма: История русской литературы. Л., 1982. С. 761–796.

52. *Столярова И. В.* На пути к преображению: человек в прозе Н. С. Лескова. СПб., 2012. 327 с.
53. *Тарасов А. Б.* Праведничество // Знание. Понимание. Умение. 2007. №3.
54. *Терновская Е. А.* Проблема «праведничества» в прозе Н. С. Лескова 1870-1880-х годов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2006. 28 с.
55. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1. Первый век христианства на Руси. М., 1995. С.
56. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т.2. Три века христианства на Руси (XII-XIV вв.). М., 1998. С.
57. *Троицкий В. Ю.* Лесков-художник. М., 1974. 216 с.
58. *Туниманов В. А.* Рассказы и легенды Лескова о праведниках // Н. С. Лесков. На краю света. Л., 1985. С. 575–584.
59. *Уваров А. С.* Христианская символика: монография. Ч. 1. Символика древнехристианского периода. М., 1908. С. 199–204.
60. *Хализев В. Е., Майорова О. Е.* Лесковская концепция праведничества // В мире Лескова. М., 1983. С. 196–232.
61. *Худякова Е. В.* Лесковская концепция праведничества и традиции старчества // Ярославский педагогический вестник. 2003. №2. С. 145–149.
62. *Черногорова Н. П.* «Иконографические» принципы создания словесных портретов в творчестве Н.С. Лескова (на примерах повести «Овцебык» и некоторых произведений из цикла «Праведники») // Филологический аспект. 2016. №7 (15). С. 6–10.
63. *Чубосова С. Ю.* Мотив оборотничества в повести Н. С. Лескова «Несмертельный Голован» // Сборник научных статей молодых ученых «Пятый этаж». 2017. С. 100–106.
64. *Швецова Т. В.* Поступок героя-праведника в цикле Н. С. Лескова // Вестник БГУ. 2017. №1 (31). С. 230–235.

65. *Эйхенбаум Б. М.* Комментарии: Н. С. Лесков. Овцебык // Лесков Н. С. Собрание сочинений в 11 томах. М., 1957. Т. 1. С. 496–498.
66. *Oromaner M.* Erving Goffman and the academic community // Erving Goffman: Vol. 1 / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. L.: Sage Publications, 2000.
67. *Posner J.* Erving Goffman: His presentation of self // Sage Masters of Modern Social Thought / Ed. by G.A. Fine, G. Smith. Vol. 1. L.: Sage Publications, 2000.

СЛОВАРИ

1. Большой толковый словарь русского языка: А-Я / РАН. Ин-т лингв. исслед.; Сост., гл. ред. канд. филол. наук С. А. Кузнецов. СПб, 1998. 1534 с.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка в 4 т. М., 1989.
3. *Дьяченко Г. М.* Полный церковнославянский словарь: пособие / сост. свящ. Григорий Дьяченко. [Репр. воспр. изд. 1900 г.]. М., 2004.
4. *Михельсон М. И.* Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2-х т. М., 1994. Т. 1. 779 с. Т. 2. 580 с.
5. Полный православный богословский энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 2. СПб., 1913. С. 376. С. 759.
6. *Степанов Ю. С.* Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. М., 2004. С. 874-880.
7. *Тресиддер Дж.* Павлин // Дж. Тресиддер. Словарь символов. М., 2001. С. 121.
8. Славянская мифология: энциклопедический словарь / редколлегия: С. М. Толстая (отв. ред.), Т. А. Агапкина, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, В. Я. Петрухин; Ин-т славяноведения РАН. 2-е изд. М., 2002. 512 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Терминологический аппарат И. Гофмана:

- Self («самость») – публичный образ себя;
- Взаимодействие лицом к лицу (face-to-face) – нормы, которым «которым подчиняются отношения человека с самим собой и с другими в ходе и в силе его непосредственного физического присутствия среди них»;
- Единичное взаимодействие или контакт – взаимовлияние индивидов на действия друг друга в тот промежуток времени, когда они физически находятся в одном пространстве;
- Исполнение или выступление – любые проявления поведения индивида, которые влияют на участников коммуникации. Исполнение по Гофману может быть двух видов: 1) исполнитель уверен, что создаваемая им реальность соответствует действительности; 2) исполнитель не верит в партию, которую он исполняет, однако продолжает ее исполнять, так как его целью является не только управление впечатлением о себе, но и наблюдение за другими индивидами («циник» обманывает «искренних» зрителей);
- «Рутинa» или «партия» - установленный индивидом порядок (поведенческая схема), которая может быть использована им в другой ситуации;
- Публичный социальный порядок – набор норм, который регулируют все члены определенного сообщества, вне зависимости от того, находятся ли они в прямом физическом контакте или нет;
- Телесная информация – информация, которая передается отправителем с помощью какого-либо физического проявления (хмурый взгляд, произнесенное слово, пинок);

- Ситуация – вся пространственная среда, в которой любой появляющийся индивид становится частью сборища;
- Социальное событие – «более крупное социальное действие», мероприятие, ограниченное пространством и временем проведения;
- Сборище – совокупность двух и более индивидов, к которой относятся те, кто в данный момент находится в физическом присутствии друг друга;
- Несфокусированное взаимодействие – этап коммуникативной деятельности, форма коммуникации, при которой один индивид собирает информацию о другом без прямого контакта с ним (например, смотрит на него);
- Сфокусированное взаимодействие – этап коммуникативной деятельности, форма коммуникации, при которой индивиды собираются и открыто сотрудничают между собой с целью поддержания единого фокуса внимания.
- Передний план взаимодействия – та часть исполнения, которая очерчивает ситуацию для наблюдателей – набор приемов и инструментов, используемых исполнителем для выполнения роли (окружающая обстановка, расположение в пространстве участников). Передний план взаимодействия связан с термином «зональное поведение»;
- Зона переднего плана – конкретное место исполнения роли, где важно соблюдать правила приличия и вежливости;
- Зона заднего плана – «закулисы», место, где индивид готовится к исполнению роли в переднем плане. Это зона, свободная от правил;
- Зоны переднего и заднего плана тесно связаны между собой. Гофман приводит пример передних и задних комнат, которые

обычно отличаются между собой. «Зонирование» имеет место только в рамках определенной коммуникативной ситуации, в которой данное пространство выполняет функцию той или иной зоны;

- Ситуативная уместность – правила поведения в определенной ситуации. Об уместности или неуместности действия можно судить только в рамках определенного социального контекста. Гофман разделил социальный контекст на общение (encounter), событие (occasion) и встречу (social gatherings). Общение имеет пресуппозицию (например, деловая встреча). Событие – мероприятие, на котором следует действовать исходя из обстоятельств. Встреча – спонтанная коммуникация, «вызывающая межличностный мониторинг».